

М. И. Д. ЗИМИНЫ

СЯКИНЫ ДЕТИ

ТОТ САМЫЙ

Сукины дети

Татьяна и Дмитрий Зимины
Сукины дети. Тот самый

«Автор»

2021

Зимины Т.

Сукины дети. Тот самый / Т. Зимины — «Автор»,
2021 — (Сукины дети)

Вернувшись с войны, я оказался в незнакомом городе без жилья, без денег и перспектив на будущее. Моя жизнь должна была окончиться в тёмной подворотне от когтей и зубов неизвестной науке твари - если бы не человек в плаще, цилиндре и с огромным револьвером. Что это за человек? Почему он меня спас? И что, чёрт побери, это за город, такой обыкновенный и в то же время странный, страшный и загадочный? Я думал, что повидал всё - кто в армии служил, тот в цирке не смеётся. Но оказалось, есть ещё много такого на земле, что простым смертным, вроде меня, даже и не снилось.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Татьяна и Дмитрий Зимины

Сукины дети. Тот самый

Глава 1

Как я оказался в этом переулке – ума не приложу. Один раз стоило свернуть не туда, и вместо чистого, светлого проспекта с автомобилями и пешеходами – мусорные баки, разбитые фонари и грязь по колено.

К ночи подморозило. Ветер гнал мелкую жесткую крупу, которая скользила под ногами и больно секла лицо.

Учуяв пронзительный, выворачивающий кишки запах, я посмотрел на мусорный бак, из которого, как голодный язык, высовывался дырявый пакет. Да нет, слишком холодно. Мусор смёрзся в ледяные комки, и так вонять не может...

И тут же за спиной я услышал шаги. Нет, не обычное шарканье припозднившегося гуляки, а тихий, вымораживающий душу, цокот когтей...

Оглянулся – никого. Разбитый фонарь ничем мне помочь не мог, так что оставалось полагаться на свет полной луны, которая мелькала среди туч мутным бельмом в громадном зрачке ночи.

Лунный свет падал на стиснувшие переулок заборы, на узкую грязную колею между ними, но больше ничего не освещал.

Совсем рядом раздался долгий, пронзительный вой. "Остерегайтесь, дети мои, торфяных болот – где силы зла действуют безраздельно..."

Нет, ничем мне не поможет цитата из фильма. Да и Питер уже далеко не торфяные болота, и темнота не может скрывать ничего, более страшного, чем обдолбанный бродяга. Впрочем, в такой мороз все бродяги расползлись по тёплым подвалам, и только я один, как дурак, бреду по ночному городу...

Остаться без жилья, в феврале, да ещё и на ночь глядя, потому что к приятелю неожиданно нагрянула подружка – то ещё удовольствие. Хотя спальник на кухне сложно назвать жильём, или даже углом... Но искать работу я давно перестал, а без денег лишь на милосердие друзей и можно рассчитывать.

Несмотря на жалкие потуги разума объяснить всё сверхъестественное обычными причинами, инстинкты считали по-другому. И взяв руководство над телом, отдали команду бежать, сломя голову.

Ноги оскальзывались на ледяной крошке, рюкзак тяжело бухал в спину, лёгкие работали на всю катушку. А в голове бился слепой, иррациональный ужас...

Из-за свиста ветра я перестал слышать цоканье, и через пару десятков метров решил остановиться. У страха глаза велики. Скорее всего, я принял за вой металлический визг какой-нибудь разболтавшейся решетки, а скрип снега под ногами – за скрежет когтей...

Вот идиот! Меня же учили справляться со страхами. Побеждать инстинкты, и прежде чем предпринимать какие-то действия, всё тщательно анализировать. Зачастую от смерти тебя отделяет именно анализ: те, кто очертя голову спасаются от опасности, погибают гораздо чаще... Статистика. Упрямая ты сука.

Итак, я остановился. И в тот же миг кто-то сильно толкнул меня в спину.

Падать пришлось вперёд, я едва успел сгруппироваться, и всё равно ударился переносицей, а затем щекой – безобидный с виду сугроб оказался грудой битого кирпича, едва припорошенного снежком.

В голове взорвалась боль, под носом сделалось тепло и влажно. На снег закапали тёмные в свете луны капли...

И тут вой раздался опять. Над самым моим ухом. Извернувшись, я оказался к нему лицом – негоже встречать опасность, показывая спину...

Щелкнули челюсти. Значит, тварь всё же не призрачная – это подтверждал и мерзкий запах, который я принял за вонь мусорного бачка. Не думая, я схватил тварь за горло и попробовал пнуть ботинком в брюхо.

Я не встретил никакого сопротивления. Но тварь была здесь! Я чувствовал капли слюны на своём лице. Задышался от смрадного дыхания.

Но ухватить мог только пустоту.

Вероятно, от удара у меня повредился мозг, – я вновь пытался анализировать. – Нарушилась связь между зрительным нервом и опорно-двигательным аппаратом, и теперь я бестолково ловлю воздух совсем не в том месте, где щелкает зубами... бродячая собака?

Мысли вихрем неслись одна за другой. Бесплезно ворочаясь на спине, под тяжестью рюкзака я был похож на перевернутую черепаху.

Я видел глаза твари – совершенно безумные оранжево-желтые бельма. Я даже чувствовал её зубы на своём горле, хотя и защищенном складками толстого вязаного свитера.

Тварь почти прокусила свитер, я стал задышаться, и в этот момент услышал выстрелы. Один... Второй... Третий... На четвёртом бешеная собака испарилась. Исчезла. Развеваясь, как дым.

Я не верил своим глазам. Так не бывает!

Но инстинкты продолжали управлять телом.

Выпростав руки из лямок, я перекатился за рюкзак – в противоположную от выстрелов сторону – и пригнул голову.

Почудилось: выжженная земля, душный от пороховой гари ветер, я прячусь за бруствером из мешков с песком...

Но нет. Руки моментально замёрзли, погрузившись в ледяную крошку, джинсы на коленях намокли, и всё тело пробрало холодом.

– Поднимайтесь, милостивый государь. Опасность миновала.

Скольким людям такие слова стоили жизни...

– Ну же!

Ко мне склонилась странная фигура. На голове – цилиндр, плечи обёрнуты старинного покроя плащом-крылаткой, белоснежный воротничок отражает лунный свет... Рука в чёрной перчатке с раструбом протянулась к мне с недвусмысленными намерениями.

Схватившись за эту руку, я дал себя поднять. Напряжение не отпускало: во второй руке незнакомца был зажат пистолет. Да нет, револьвер. К счастью, он его сразу убрал. Куда-то под плащ, в складках которого можно было утаить целый арсенал.

– Не пугайтесь моего странного вида, милостивый государь, – сказал он спокойно, и чуть насмешливо. В лицо мне дохнуло дорогим шампанским и сигарами. – Просто я был на костюмированной вечеринке, которую устроила одна моя знакомая... Впрочем, имя дамы не стоит произносить всуе, – он мечтательно улыбнулся каким-то своим мыслям. – Шел домой, и чёрт меня дёрнул срезать через этот переулочек. А тут – вы. Не иначе судьба...

– А вы всегда ходите на вечеринки с револьвером? – я не знал, что ещё спросить. Понятно, имел место некоторый шок, потрясение от случившегося, и мне просто требовалось несколько спокойных мгновений, чтобы прийти в себя.

– Это смотря какие вечеринки, – легкомысленно пожал плечами незнакомец. – Однако не стоит здесь больше оставаться. Гули трусливы, но обычно охотятся стаями, – наклонившись, он легко ухватил за лямки мой тяжеленный рюкзак и закинул себе на плечо. – Идёмте. Я провожу вас до дому.

– Гули? – отряхнув джинсы и кое-как заправив рубашку, я одёрнул свитер и попытался застегнуть куртку. Ничего не вышло: замок был сломан. Собачка выскочила из пазов и сиротливо болтала металлическим язычком.

Чёрт.

– Я сказал гули? – удивился незнакомец.

– Ну да. Вы сказали: гули охотятся стаями.

– Вам слышалось. Я говорил про бродячих собак.

Следов собачьих лап, а тем более, застреленного труп я нигде не наблюдал.

– Она убежала, – быстро сказал странный человек в цилиндре. – Наверное, испугалась выстрелов и помчалась за подмогой... Идёмте же, – он требовательно протянул руку. – Скажите, где вы живёте, и я доставлю вас туда в целостности и сохранности.

Меня одолевали сомнения. Уж очень странно вёл себя этот добрый самаритянин...

– Достаточно будет, если вы покажете, в каком направлении находится проспект, – сказал я. – Признаться, я просто заблудился. Отсюда и все неприятности.

Мы пошли рядом.

– Что вы таскаете в рюкзаке? – спросил он через пару минут. – Надеюсь, не те битые кирпичи, на куче которых я вас нашел?

Кроме прочего, в рюкзаке у меня лежит ПМ и две коробки патронов... Но говорить об этом первому встречному? Увольте.

– Это всего лишь книги, – сказал я вслух. – Люблю, знаете ли, почитать перед сном.

Несколько томиков стихов у меня и вправду имелось. Во-первых, книги прекрасно оправдывали тяжесть рюкзака, а во вторых...

– Помилуйте, юноша!.. Вы разве не в курсе, что современные смартфоны оснащены программой для чтения? Можно носить с собой целую библиотеку, и она ровным счётом ничего не будет весить.

– Эти книги имеют для меня сентиментальную ценность, – сказал я. – Это всё, что осталось от отца.

Я не хотел этого говорить. Незнакомый человек на улице – не тот, кому можно довериться. Возможно, сыграло роль то, что он спас мне жизнь...

– Понимаю, – он подбросил рюкзак, устраивая его на плече поудобнее.

– Отдайте, – я протянул руку к лямке. – Я уже вполне пришел в себя.

– Ерунда, – отмахнулся он. – Найдя вас в столь плачевном состоянии, я просто обязан проявить милосердие.

В его голосе угадывалось упрямство пьяного человека. Поставил, мол, перед собой цель осчастливить ближнего, и сделаю это даже ценой его жизни...

– Благодарю, – я начал закипать. – Но я вполне могу о себе позаботиться. Отдайте рюкзак.

– Да пожалуйста, – скинув лямку с плеча, он бросил рюкзак мне. Я не успел поймать, и рюкзак грохнулся на асфальт, издав отчётливый металлический лязг.

Я втянул воздух сквозь зубы... Ну вот: сейчас начнётся. Он наконец-то испугается, закричит, прибежит полиция... Психушка. Это меньшее, что мне светит. ПТСР, или Афганский синдром в тяжелой форме – с таким диагнозом по улицам не разгуливают. А если обнаружат ещё и оружие... И как им объяснить, что я вовсе не повёрнутый на войнушке псих?

– А что это вы так побледнели? – голос и твёрдые пальцы на предплечье привели меня в чувство. – Эй, да вы на ногах еле стоите! – на меня вновь дохнуло шампанским. Глаза незнакомца оказались очень-очень близко... – Вам что, плохо? Вы когда ели в последний раз, юноша?

– Всё нормально, – собственный голос звучал, словно через запертую дверь. – Просто опустите меня, и я пойду своей дорогой...

– Куда, позвольте узнать?

– На вокзал, – все барьеры рухнули. Я больше не мог сопротивляться этому голосу. – Там тепло, можно поспать на лавочке... А если повезёт, менты не будут пристёбываться до самого утра...

– Ясно.

Меня куда-то потащили. Я это понимал, потому что ноги продолжали двигаться, а рука, вцепившаяся в лямку рюкзака, не разжималась. Значит, сознания я не терял.

– Как зовут вас, юноша бледный, со взором горящим?

– Александром, – чёрт, почему я назвал ему настоящее имя? – Александром Стрельниковым...

– Тёзка, значит, – услышал я в ответ. – Всё-таки судьба...

Очнулся я от пронзительного визга. Вскинулся: казалось, вновь я стою в тёмном переулке, а сзади набегает призрачная тварь.

Оказалось, это всего лишь телефонный звонок.

– Агентство "Петербургские тайны" – голос был женский. Точнее, девичий. – Да... Да... Экскурсии проходят каждый день, с десяти до часу и с трёх до шести. По выходным, и ночные экскурсии – двойной тариф. Да, у нас есть автобус... Сколько человек? Записываю на вторник. К десяти, не опаздывайте. До свидания.

Я на вокзале? – была первая привычная уже мысль. – Нет, не на вокзале... Низкий потолок, словно каморка была под лестницей. Раскладушка, лоскутное одеяло... Мои шмотки развешаны на батарее отопления.

Рюкзак стоит в ногах. Судя по меткам, которые видел только я, его никто не развязывал.

У меня вырвался вздох облегчения.

Впрочем, сразу возникла другая проблема: а вдруг это работоторговцы? Бомжи на вокзале болтали, что кто-то отлавливает по ночам их братию, и якобы, продаёт на какие-то стройки... Один даже хвастался, что чудом уцелел: завербовали его в Сибирь, на строительство космодрома Восточный. И не так уж было и плохо: теплушка, кормёжка три раза в день... Даже

заплатить обещали. Но в один прекрасный день он, в числе других таких же бедолаг, очнулся в степи, в братской могиле. Опоили, значит, свалили в кучу, да и расстреляли. А потом присыпали песочком, чтобы снаружи не видно было. Его скользом зацепило. Повезло.

Чудом добрался до жилья... Потом уже оказалось, что никакой это был не космодром, а просто губернатор решил резиденцию себе в лесу отгрохать. А концы, по старой доброй традиции – в воду. Или, как в том конкретном случае – в землю.

Через тридцать секунд я решил, что на работоторговцев не похоже. Пахло кофе. Слишком хорошим кофе, такой даже губернаторам далеко не всем достаётся.

Да и остальные шумы были уж очень обыденные, уютные: стрёкот ксерокса, гудение принтера, негромкие женские голоса, телефонные звонки... Как она там сказала? Агентство "Петербургские Тайны"? Экскурсии по двойному тарифу...

Натянув джинсы и просохшую рубашку, я отправился на разведку.

Распахнув дверь, я наткнулся на взгляд карих глаз в невероятно длинных пушистых ресницах. Взгляд был скептический, из разряда "а что это нам Шарик на порог притащил?"

– Здравствуйте, – брякнул я. Существо в ресницах и конопушках выглядело лет на семнадцать.

– Значит, Сашхен, – кивнув в ответ на приветствие сказала существо.

– Сашхен? – переспросил я.

– Шеф сказал, тебя так зовут, – существо поправило гарнитуру на волосах, и покрутило курносый носом. – Я Антигона.

– Очень приятно.

Девчушка смерила меня недоверчивым взглядом: старая клетчатая рубаха, джинсы с дырками на коленях, не первой свежести носки...

– Аналогично, – брякнула она так, словно только что проглотила горькую пилюлю. – Сашхен, кофе хочешь?

– Не откажусь.

– Тогда чапай за мной.

Девчушка повела меня сквозь анфиладу светлых комнат. Одна была оборудована под офис: столы с мониторами, факсами, ксероксами и еще какими-то бежевого цвета девайсами... Интересно, почему всё компьютерное красят в тошнотворно-бежевый? Он что, должен как-то успокаивать? По-моему, он навевает тоску. Как бы намекает, что сделавшись офисным планктоном, ты обречён на вечные муки...

На полу стояли тяжелые кадки с настоящими на вид пальмами, шторы на окнах были собраны в гармошки – кажется, такие называют "римскими".

За столами сидели ещё две девицы: одна – в деловом костюме, но с ярко-синими, прямо таки купоросными волосами, вторая – готического вида, с чёрными дредами, в чёрной сетчатой майке, через которую проглядывали угрожающего вида трайблы, и глазами, настолько густо подведёнными, что делали её похожей на панду.

– Не обращайтесь внимания, – бросила Антигона девушкам за столами. – Шеф опять играет в Макаренку.

Девицы, скользнув по мне взглядами, вернулись к своим делам.

А когда-то меня считали симпатичным, – мысль резанула неожиданно больно. – На выпускном девчонки в очередь выстраивались, чтобы потанцевать... Да и в учебке, на обяза-

тельных балах, отбою не было от партнёров. Одна генеральша... Впрочем, как говорил мой благодетель, не стоит упоминать имени дамы всеу.

Проходя мимо застеклённой двери, я невольно наткнулся взглядом на своё отражение. Эхе-хе, а ведь давненько я себя не видел... Волосы, еще год назад выгоревшие добела на сирийском солнце, потемнели и отросли, и не собранные в хвост, торчат в стороны неопрятными патлами. Борода скрывает впалые щеки, глаза запали и глядят настороженно – как фаланга из норки... Да уж, нечего сказать: красавец.

Сделалось стыдно. Настолько запустить себя боевому офицеру... Впрочем, я уже не офицер. Наградной ПМ – вот и всё, что осталось после ранения, шести месяцев в Ташримском госпитале и чистого увольнения на гражданку. Инвалидской пенсии едва хватало на нищенское существование в одном из самых дорогих городов мира. Но я не уезжал. Всё надеялся...

– Эй, ты чего завис? – это Антигона. Стоит рядом, но притронуться, толкнуть в бок не спешит. Умница.

– Извини. Давно не видел свою физиономию в зеркале.

– Шеф сказал, что подобрал тебя на какой-то помойке. Это правда?

– Ну...

– Да ладно, не смущайся. Я, например, пока сюда не попала, жила на верфи, в порту. Амальтея – это такая чёрненькая – у сектантов. Её как раз собирались принести в жертву, когда появился шеф...

– Что, правда? – её непосредственность подкупала. И в то же время настораживала. Какого хрена так мило относиться к незнакомому человеку?

– А то. Сам спроси, если хочешь.

Дом был большой. Да нет, по питерским меркам – просто огромный. Мы прошли около десятка комнат – некоторые были пусты, другие загромождены мебелью в белых чехлах, еще какими-то громоздкими предметами, похожими на картины в массивных рамах... Люстры плавали под лепными потолками, как обёрнутые в марлю истребители.

– Заходи, будь как дома, – Антигона пригласила меня пройти вперёд. Я послушался, и замер в немом восхищении.

Это была кухня. Такая, как её показывают в кино про богачей. Длиннющая металлическая барная стойка отделяла хозяйственную часть. Там угадывался холодильник с дверцами, похожими на купейные двери вагонов, огромная кофе-машина с серебряными рычагами и никелированными соплами... Больше всего она напоминала древний, но отмытый до блеска паровоз. Всё убранство было выдержано в стиле хай-тек.

Терракотовая плитка на полу была выложена в форме звезды, вписанной в круг. По радиусу круга шли какие-то письмена...

Арамейский, – опознал я. Этот язык я читал лишь со словарём.

– Круто! Никогда такого не видел.

– Я знала, что тебе понравится, – Антигона говорила так, будто лично спроектировала здесь всё, до последней гайки.

Девчушка с античным именем, обогнув меня, пошла к кофе-машине. Одета она была в узкие джинсы и короткую маечку, которая открывала для обозрения всем желающим гладкий

белый живот с висюлькой в пупке. Огненно-рыжие волосы стянуты в твёрдую на вид гулю, которая придавала веснушчатому круглому лицу вид матрёшки.

Вдруг Антигона крикнула:

– Агентство "Петербургские тайны", здравствуйте! Да. Нет. Шеф будет только вечером. Нет, раньше нельзя. Оплата картой или переводом. До свидания, – и уже мне: – Извини, я всё время должна быть на связи.

Совершенно не интересуясь моими вкусами, она принялась орудовать рычагами кофемашины. Та загудела, потом зашипела, выпустила, ещё больше уподобляясь паровозу, струю пара, застучала, затарахтела, и – смолкла.

По барной стойке скользнула громадная керамическая кружка с шапкой белой пены.

– Капучино, – объявила Антигона.

– Спасибо.

– Угадала?

– Да.

Я отхлебнул раскалённого, ароматного и необыкновенно сладкого напитка и почувствовал себя счастливым.

– У меня талант. Всегда знаю, что кому подать... Так ты тоже будешь у нас работать? – неожиданно спросила она.

Я опешил.

– Да... вроде как нет. Во всяком случае...

– Будешь, – уверенно качнула гарнитурой Антигона. – Иначе бы шеф тебя не приволок.

– Да это случайно вышло, – я пожал плечами и сделал ещё один глоток. Терпкая волна блаженства пронзила до самых пяток. – Я шел, на меня напали, а шеф...

– Можешь звать его Алекс.

– Алекс. Так вот, он меня спас. А потом притащил сюда. Я его не просил.

– Ну, я же говорю: всё сходится, – Антигона дёрнула дверцу холодильника, достала большую бутылку с чем-то оранжево-желтым и поставила на стойку. – Апельсиновый сок, натуральный, – объявила она. – Будешь?

– Спасибо. Но лучше ещё кофе.

– Да ты не стесняйся, – она вновь повернулась к кофемашине. – У шефа чутьё на людей. Если он тебя притащил – значит, почувствовал. Что ты свой. То есть, наш.

– Почувствовал?

– Ну... – она поставила передо мной ещё одну кружку. – Интуиция у него такая. Чуйка. Он всегда оказывается в нужном месте в нужное время и... в общем, находит людей. Меня вот нашел...

Помолчали. Когда вторая кружка кофе подошла к концу, я ощутил острую тоску: нужно прощаться. Идти в каморку, надевать просохшие ботинки, куртку со сломанным замком, брать рюкзак, благодарить за гостеприимство и уходить. Куда?

– Ну... – допив последние капли, я поставил кружку на стойку. – Спасибо за всё...

– Антигона! – в кухню заглянула синеволосая девушка.

– Это Афина, – шепнула мне Антигона, будто открывала страшную тайну.

– Вот ты где! Там группа иранцев. У них Александровка, Зимний и Эрмитаж. Шефа нет, а больше с ними никто разговаривать не может. Кричат: ишпейде, ишпейде... Хрен его знает, что это значит.

– Это не иранцы, – неожиданно для себя сказал я. Афина посмотрела на меня так, словно только что заметила. – Они албанцы. И'шпейт'е – на албанском значит "быстро".

– Ты знаешь албанский, – кивнула Антигона, как будто что-то подтверждая. – Вот видишь: шеф в тебе не ошибся. Иди, переодевайся. Амальтея подберёт тебе подходящие шмотки.

– Ничего не понимаю, – пришлось сопротивляться, так как просиявшая Афина уже дёрнула меня за рукав.

Антигона закатила глаза.

– Шеф притащил тебя сюда, так? И ты знаешь албанский. А у нас – группа албанских туристов, с которыми некому разговаривать... Дошло?

Я пару мгновений смотрел в пустоту, затем потряс головой.

– Ерунда всё это. Простое совпадение.

– Нет, ну ты тупой, Сашкен, – Антигона рассмеялась. На щеках у неё проявились ямочки. – Совпадений НЕ БЫВАЕТ. Шеф привёл тебя СПЕЦИАЛЬНО! Так что иди и поговори с этими албанцами.

– Но я не умею водить экскурсии! Я и Питера почти не знаю.

– Тебе и не нужно, – Афина продолжала тянуть меня за собой. – Экскурсию поведу я, тебе нужно только переводить.

Вот так я и попал в одно из самых удивительнейших мест на земле. Агентство "Петербургские тайны". Кроме шефа Алекса, работали в агентстве три девушки. Туризм, развлечения, экскурсии.

Впрочем, начну по порядку.

В первый день работы, Алекса я так и не увидел. Витал он где-то далеко: со слов Антигоны, водил по городу делегацию из дружественной Уганды. На суахили, кроме него, никто не говорил, а сторонних переводчиков Алекс на дух не переносит.

Собственно, все девчонки в "Тайнах" были спецами по каким-нибудь языкам: романская группа, индокитай, японщина.

Антигона, например, была редчайшим спецом по мёртвым языкам Месопотамии: урский и вавилонский диалекты, древнеассирийский, древнеперсидский... Где шеф находил туристов, с которыми надо общаться на мёртвых языках, я представить не мог, но раз существовал переводчик – можно сделать вывод, что и делегации из столь экзотических земель имели место быть.

Я же, по своей специализации, мог объясняться на замане курди, домари и ломаврен – языках, на которых говорили в Сирии... Неплохо говорил по-ирански, турецки, арабски – включая восемь диалектов; В качестве факультатива изучал испанский, эльфийский и клингонский.

Да, забыл упомянуть: в Высшую офицерскую школу меня забрали прямо с первого курса филологического, отделение иностранных языков. Завербовали, что называется. Потом, конечно, я и ещё кое-чему научился, но заметили меня в связи с исключительной памятью и талантом к языкам...

Когда вечером, основательно вымотавшись – столько говорить мне не приходилось давненько – я добрался до особняка, никого уже не застал. Афина высадила меня у крыльца и укатила домой, я же, поднявшись по восьми каменным ступеням, вошел в свой новый дом.

Что характерно: о рюкзаке, оставленном в той же каморке под лестницей, рядом с раскладушкой, я ни разу не вспомнил.

На кухне меня ждал ужин: жаркое из говядины с картошкой. Кто это всё приготовил, я не знал, но был безмерно благодарен.

Полужинав, удалился "к себе" на раскладушку, достал читанный-перечитанный томик стихов и впервые за несколько месяцев почувствовал себя дома. Удовольствие, недоступное в течении многих лет...

Незаметно для себя я уснул, а проснулся в глубокой тьме – в крошечное окошко под самым потолком не проникало ни зги.

Спросонок я попытался сообразить, что меня разбудило: привык спать чутко, всегда быть, как у нас говорили, "на щелчке". Умение сквозь сон слышать все звуки, и автоматически делить их на условно опасные и спокойные, появлялось само собой, как обязательный атрибут выживания.

Так вот: я проснулся. А значит, сознание моё определило некую опасность, пока ещё гипотетическую.

Проведя краткую диагностику окружающего пространства и организма, я успокоился: подавлял мочевой пузырь, а значит, реальной опасности не было. И только выбравшись в коридор – ориентировался я в новом помещении плохо, и шел чисто на ощупь – я услышал тихие голоса...

Первой пришла мысль о грабителях. Укурках или гопниках, коих в питерских подворотнях всегда навалом, и которым пришла в голову мысль распотрошить офис процветающей фирмы.

Говорил Алекс. Его развязный, чуть "подшофе" тембр я узнал сразу. И успокоился. Мало ли, какая надобность привела шефа в контору среди ночи...

Говорили не в кухне, а в одной из комнат. Двустворчатые двери были плотно закрыты, и я рассудил, что разговор – не для сторонних ушей. Одно плохо: туалет располагался совсем рядом, слева.

Мочевой пузырь напоминал о себе всё настойчивее, и ждать, пока разговор будет окончен и все разойдутся, сил уже не было.

Стараясь не шуметь, я осторожно надавил на ручку, так же беззвучно закрыл дверь за собой, и только потом включил свет.

Меня окружил помпезный чёрный кафель, на фоне которого беломраморная раковина, ванна и биде смотрелись особенно неприлично. Барочности добавляли краны в форме лебедей и золотые вензеля на зеркале, а так же нелепый зеркальный потолок, из-за которого не слишком просторное помещение напоминало узкую бесконечную трубу.

Подняв крышку унитаза, я сосредоточился, и... совершенно чётко расслышал:

– Так, значит, мушки – по сотне, а говоруны – по полста.

Голос, незнакомый простуженный баритон, шел из-под потолка. Задрав голову, я увидел забранную чугунной решеткой отдушину – вероятно, та напрямую соединялась с соседней комнатой. Отправлять свои надобности в таких условиях сделалось невозможно, и я принялся слушать.

– Не забудь о серебрянках, – это уже голос Алекса. – За них плачу по две сотни.

– Маловато будет, – ворчал хриплый. – Надо бы по три...

– Дам две с полтиной, – торговался Алекс.

– Но только если оптом.

Затем послышался картонно-металлический звук, будто что-то мелкое, но тяжелое пере-сыпали из одной коробки в другую, а потом всё стихло.

Я уже совсем собрался покинуть мой невольный слуховой пост и потихоньку прокрасться к себе, как вновь услышал голос Алекса:

– Есть две акварели. Масло тоже будет, но позже. На следующей неделе, или дней через десять.

– Через десять поздно, – отвечал хриплый. – Надо бы дней через пять. У меня клиент.

– Хорошо, постараюсь через пять.

– А с Часовщиком как быть?

– Пока никак. Пусть живёт.

– Стрёмно это.

– Понимаю. Но ничем помочь не могу. Пока, во всяком случае.

Наконец раздалися шаги, а затем хлопнула входная дверь – я уже научился распознавать её звук, там пружина была с характерным взвизгом.

А я, не снимая штанов, присел на унитаз, и задумался.

Во что я вляпался? "Мушки", "Говоруны", "Серебрянки". Не иначе, речь идёт о наркотиках. К тому же, акварели и масло...

А здесь – турагентство. Очень удобно: иностранные делегации, валюта, паспорта, визы... Сюда, значит, наркота, а отсюда – предметы искусства. И все довольны.

Поднялся, уже не думая о конспирации, включил воду, умылся, похлебал тепловатую, пахнущую хлоркой струю...

Пойти в полицию? И что я там скажу?

К тому же, какова благодарность?.. Человек мне жизнь спас, приютил, дал работу, а я его – в полицию.

С этими мыслями я тронул выключатель и открыл дверь в коридор.

– А, тёзка, – прислонившись к стене и сложив руки на груди, рядом с туалетом стоял Алекс. Пахло от него уже не шампанским, а чем-то крепче. – Что, не спится?

– Да вот, – я замялся. – Пить захотелось.

– Так шел бы на кухню, – добро улыбнулся мой благодетель. – Там холодильник. Минералка, соки...

– Не подумал, – я попытался просочиться мимо.

– Да ты не торопись, – меня поймали за рукав. – Разговор есть.

Глава 2

Первым делом он извлёк из кобуры кольт и небрежно бросил его на стол.

Я одновременно и напрягся, и ощутил облегчение. Облегчение от того, что он его всё-таки положил, а не направил на меня, а напряжение – от того, что он вообще был...

– Вы говорили, что револьвер нужен только для карнавала, – голос мой понизился почти до шепота.

Тоже особенность организма: в моменты крайнего напряжения говорить очень тихо. Многие принимали это за выражение слабости, страха, но всё было наоборот: еще в детстве, предчувствуя вспышки бешенства, я приучил себя гасить эмоции. Это не притупляло kloко-тавший внутри гнев, но хотя бы позволяло не выглядеть психом.

– Все слова лгут. Эти – тоже.

Достав из кухонного ящика тряпочки, ёршики и оружейную мазь в жестяной банке с говорящей этикеткой "Глухарь", Алекс принялся разбирать револьвер. "Анаконда" сорок четвёртого калибра, словно он охотился на очень крупную дичь...

...Отщелкал, как семечки из подсолнуха, патроны, вынул барабан и вооружившись зубной щеткой, обмакнул её в мазь.

На мой профессиональный взгляд, револьвер и так был в идеальном состоянии, а значит, нехитрое сие действие требовалось, чтобы занять руки и освободить голову – привычка, свойственная многим военным...

– Значит, Сирия, – неожиданно сказал Алекс и вновь замолчал.

Его молчание создавало пустоту, что-то вроде вакуума, которую хотелось непременно заполнить. Поэтому я спросил:

– Что, Сирия?

– Комиссовали давно?

– Почти год. Но откуда вы...

– Элементарно, Ватсон: Макаровым награждают за ранения и доблесть в бою. В данный момент мы воюем где? В Сирии. Отсюда вывод...

– Может, нужно было спросить, а не шарить по моим вещам?

– Может, – отложив кольт, Алекс достал из шкафчика хрустальные рюмки и бутылку водки. "Арктика", – прочёл я этикетку. Дорогой сорт. И не везде купишь. – Но так быстрее.

Он разлил водку по рюмкам, одну подвинул мне.

– Хотите сказать, я должен стерпеть, потому что мне некуда деваться? – брать водку я не спешил.

– А что, есть? – Алекс глянул коротко, с дружелюбным интересом, и вернулся к чистке револьвера. – Когда мы встретились на улице, ты собирался идти на вокзал.

– Может, я домой собирался.

– В Ростов? Не смешите меня, юноша. С таким образованием и такими замашками... Жить вам в Ростове от силы месяц. Затем – перо под вздох и головой в воду.

Покопался Алекс в моих вещах основательно. Узнать, что я из Ростова, можно было лишь найдя фотографию с дарственной надписью, заложенную в одну из книг...

Но в остальном он прав. Вот и отец всегда говорил: в тебе будто два человека: ботаник и гопник. Гопнику в Ростове – самое то, раздолье. Но как ботаник ты здесь не жилец... Он сам, на свою пенсию, купил мне билет до Питера и напутствовал поступать на филфак. Как в

воду глядел: оказалось, военный переводчик – идеальное для меня амплуа. До тех пор, пока ранение не превратило организм в бесполезный хлам...

– И поэтому вы решили, что я без звука соглашусь работать в вашем... "агентстве"? – я сделал кавычки в воздухе.

– А чем плохо моё агентство? – удивился Алекс. – На мой взгляд, вам выпал счастливый билет. Свой угол, нормальная еда, интеллигентное общество. Вы хоть заметили, какие у меня девушки работают? Да любой на вашем месте...

– Девушки у вас и вправду замечательные, – перебил я. – Но вот всё остальное... Простите, но ни воспитание, ни честь офицера не позволят мне работать на такого человека, как вы.

Глаза его вмиг сузились, а щеки побледнели. Я застыл.

Собственные заскоки подвигли меня на углублённое изучение психологии, и теперь я видел: по той же причине, по которой я начинаю говорить очень тихо, мой новый знакомый Алекс спадает с лица. Обычные люди в гневе лицом багровеют, покрываются румянцем. Он же – бледнеет.

– Извольте объясниться, милостивый государь, – руки Алекс держал свободно, на столе. Но пальцы чуть подёргивались, и в этот момент я сильно порадовался, что револьвер оказались разобранным.

– Невольно я стал свидетелем вашего разговора с дилером, – ответил я. – Мушки, Говоруны, Серебрянки... А также "акварели" и "масло"... Вы толкач. Меняете искусство на наркотики.

Впервые тогда я увидел, как шеф потерялся. С тех пор я имел возможность наблюдать это редкое явление лишь однажды, и это только подтверждает, какое чрезвычайное впечатление произвели мои слова...

Посидев минуту или две, он молча хватил водки, хищным движением подхватил мою рюмку, тоже опрокинул в рот... А затем поднялся, прямой, как шомпол, и удалился.

Я было решил, что таким нехитрым способом мне намекают на то, что пора бы и честь знать, и уже поднялся, когда Алекс вернулся с тяжелым на вид брезентовым армейским мешком.

Грохнув его на барную стойку, чем вызвал содрогание стёкол в окнах, он развязал горловину и показал картонную коробку, вид которой я опознал безошибочно.

– Вот это – мушки, – пояснил Алекс, вытряхивая из коробки несколько гладких, медно отсвечивающих патронов. – Обычный тридцать восьмой калибр, форсированный заряд. Не нужно объяснять, что делать с такими "мушками"?

Я молча хлопал глазами, проклиная себя за тупость и скоропалительность выводов.

– А вот это – говоруны, – из другой коробки он сыпанул патронами покрупнее. – Калибр у них уже сорок четвертый магнум, а прозвище своё они получили за характерный бормочущий грохот при вылете из ствола. – И конечно же, серебрянки. – Передо мной выстроилась шеренга заострённых капсул высотой сантиметров по десять каждая. – Стальной сердечник, мягкая серебряная рубашка. Для чего нужны серебряные пули, в наше время осведомлены даже дети. Спросите любого сорванца на улице, и вам популярно объяснят, что охотиться на оборотней, вурдалаков и прочую нечисть без таких патронов нечего и думать. Загрызут.

– Не хотите же вы сказать...

– Сказать, милостивый государь, я ничего не хочу. Кроме того, что охотно вызвал бы вас к барьеру, и наказал за диффамацию. Но невинную голову, как говорится, и меч не сечёт, – Алекс аккуратно собрал патроны, каждый в свою коробочку, и убрал назад, в мешок. – А вы, без сомнения, человек совершенно невинный. Сиречь – несведущий. Так что, на первый раз, прощаю.

– А как же вурдалаки?

– Ммм... А что с ними?

– Вы берётесь утверждать, что они реально существуют?

– Извольте следовать за мной, милостивый государь.

И не дожидаясь моего согласия, Алекс стремительно направился к выходу.

На улице было мерзко. Царил тот глухой предрассветный час, когда и звуки гаснут, и мысли не могут обрести четкой формы, и самое людское существование с его домами, машинами, и дневным столпотворением, кажется лишь навеянным сырым речным туманом морозом.

Высокое крыльцо особняка, в котором располагалось агентство, спускалось в сад, по зимнему времени раздетый и неухоженный. К широким кованным воротам вилась дорожка, шириной в одну лопату – по краям её громоздились слежавшиеся сугробы, в свете уличного фонаря фиолетовые, как синяки на лице алкаша.

– Ночь. Улица. Фонарь. Аптека, – привычные слова сорвались с губ прежде, чем я смог об этом подумать. – Бессмысленный и тусклый свет. Живи ещё хоть четверть века – всё будет так. Исходов нет.

– Умрёшь – начнёшь опять сначала, – продолжил Алекс. – И повториться всё как встарь: ночь, ледяная рябь канала, аптека, улица, фонарь...

Не глядя на меня, он пошел по протоптанной вдоль фундамента дорожке за дом, куда свет уже не доставал, и где громоздились таинственные серые тени.

– Он знал, о чём говорит. Этот наш тёзка, – с каждым словом изо рта Алекса вырывалось облачко пара. – Александр – имя сакральное, вечное. Тем, кто его носит, не суждено жить спокойно...

Мы остановились у крошечной калитки рядом с громадными мусорными баками, от которых, несмотря на мороз, шел неистребимый дух тлена.

– А теперь надобно тихонько постоять, и покурить, – прошептал он, доставая из кармана пиджака пачку "Медного всадника". Одну сигарету он протянул мне, другую взял сам, поднеся к кончику пламя бензиновой "зиппы".

Курить я не хотел. Это занятие у меня сопрягалось с проблемами, нервическими судорогами, плохим настроением и одиночеством.

Но сигарету всё же взял и вдохнул горьковатый, и даже приятный по морозу дым. В горле запершило.

– Не вздумайте кашлять, – будто угадав мой порыв, просипел Алекс.

Одеты мы были не для улицы. На мне были всё та же клетчатая ковбойка и джинсы, на Алексе – пиджак, белая рубашка и брюки с тёмным лампасом.

Через пару минут меня начало трясти – особенно пробирало, когда ветер, завывая меж прутьев чугунной решетки, толкал в лицо мокрой колючей ладонью.

И я уже было совсем собирался возмутиться, как вдруг, кинув взгляд на площадку рядом с баками, забыл и о холоде, и о странном моём знакомом, и о сигарете в пальцах.

Сначала я решил, что это бомж. Хочет поживиться чем-нибудь, пока мусорщики не опустошили бачки. Но двигался он – оно – слишком бесшумно, слишком изящно для представителя уличного дна. Ноги существа лишь слегка касались земли, как если бы оно передвигалось на цыпочках. Осанка была странная, нечеловечья, а сбоку от подола рваного плаща высывался длинный, одетый в стальную чешую, хвост...

Я вскрикнул. Всё остальное – и необычная походка и стать – можно было как-нибудь объяснить. Но к хвосту, подвижный кончик которого словно бы жил своей жизнью, я готов не был.

Крик мой был тихим. Скорее, это был всхлип, который издаёт любой, кто получил кулаком под дых, но существо его услышало. Застыло. Повернуло голову.

На одно мгновение воображение моё захватили громадные, с золотисто-желтой радужкой глаза, а потом всё исчезло. Пропало, развеялось. Как собака, которая пыталась загрызть меня прошлой ночью...

– Идёмте, Сашкен. Вы продрогли, – услышал я голос Алекса, и только тогда ко мне вернулись мысли, чувства и осознание себя.

– У него были вертикальные зрачки, – сказал я, не двигаясь с места. – И хвост.

Алекс пожал плечами.

– Шел по лесу крестьянин. Самый обычный крестьянин: две руки, две ноги, две головы... И хвост.

– Кто это был? И что здесь делал? А самое главное: откуда ВЫ знали, что оно здесь появится?

– Отвечу, – кивнул мой спутник. Короткие и чёрные, волосы на его голове лежали плотно, завиток к завитку. – На все вопросы отвечу. Но – в тепле. А то отморозите себе нос.

Выбросив окурки, он пропустил меня вперёд, и мы пошли назад в дом.

Устроившись вновь на кухне, он плеснул водки в две рюмки. Но взглянув в моё лицо, неудержимо расхохотался.

– Что смешного-то? – я начал закипать.

– У вас, милостивый государь, такое лицо... Словно вы увидели собственную бабушку, в чёрном плаще и с косой наперевес, – он пододвинул одну из рюмок мне. – Не берите в голову, мон шер. И прошу меня простить. Возможно, для первого знакомства это было слишком. Пейте, – он взглядом указал на рюмку. – Это примирит вас с действительностью.

Я взял рюмку, понюхал, ощутив чистый спиртовой запах без своеобразной примеси сивухи, но пить не стал, а пристально посмотрел на Алекса.

– И всё-таки: что это было?

– А ты как думаешь?

Этот переход на "ты" внезапно ослабил во мне какую-то пружину, которая оставалась сжатой с самого времени нашего знакомства прошлой ночью.

– Инопланетянин?

Он опять расхохотался, и махнул рукой, словно я сморозил что-то очень смешное.

– Мы не "люди в чёрном".

– Морок? Фантом?

– Посмотрел бы ты, как этот "морок" вырывает трахею одним укусом, – мой благодетель продолжал веселиться, словно попал на увлекательный аттракцион.

В детстве у меня в шкафу жили барабашки. Я их никогда не видел, но каждую ночь, ровно через пять минут после выключения света, дверь шкафа со скрипом отворялась, и я слышал топоток крошечных ножек.

Разбегаясь по комнате, они лезли во всё, до чего могли дотянуться: шуршали в ящике с игрушками, тоненько тренькали струнами гитары, щелкали выключателем ночника... А иногда они забирались на кровать и смотрели на меня.

Этот их взгляд леденил, приковывал к подушке, не давая вздохнуть, пошевелиться, закричать... Всё, что я мог из себя выдавить – это беззвучный задушенный хрип.

Никому я не рассказывал об этих своих постояльцах, ни друзьям, ни отцу. Бывший партийный работник, инженер, он поднял бы меня на смех. Друзей же, которым можно было бы поведать детские тайны, у меня не было...

Потом, уехав, я начисто забыл и о барабашках, и о том чувстве бессилия и безысходности, которое они вызывали.

В тот же миг, когда желтоглазое существо посмотрело на меня – всё вернулось.

– Значит, это тварь с изнанки нашего мира? – сказал я со всем недоверием, на которое был способен. – Если отбросить всё невозможное, то, что останется, каким бы невероятным оно не было, и будет правдой – верно?

– Мы зовём их потусторонниками, – совершенно серьёзно кивнул Алекс. Ни высмеивать, ни опровергать мои выводы он не стал. – Имя им – легион. Некоторые вполне безобидны, другим лучше не попадаться на пути, третьи же... М-да.

И он налил еще водки. Только себе – потому что моя рюмка так и стояла, наполненная до краёв. Испытывая дикое возбуждение, ни в каких дополнительных стимулах я попросту не нуждался.

– Мы курили, чтобы оно нас не почувствовало?

– Напротив. Чтобы предупредить о том, что мы там.

– Но зачем?

– Чтобы он нас не убил.

– Но если он был так опасен, зачем мы туда пошли?

– Слушай, я же извинился. Думал, у тебя нервы покрепче будут.

– Да причём тут нервы? Просто... Я в эту победень не верю. Уж извините...

– Ну так для этого я тебе и показал, – Алекс теперь говорил со мной ласково, как с младенцем. – Понятно, что боевой офицер – он выделил эти слова – обязан не верить ни в Бога, ни в чёрта, ни в Красную армию. Но своим-то глазам...

– Ладно, – я взял рюмку и одним глотком выпил. – Убедили. Пока... Но у меня ещё один вопрос.

– Валяй.

– Что такое "акварельки" и "масло"?

– В свой черёд узнаешь, – отмахнулся Алекс и спрыгнул с высокого табурета. – Однако светает. Скоро девочки придут... – сграбастав брезентовый мешок с патронами и направляясь с ним к выходу из кухни, он остановился в дверях и оглядел барную стойку. – Приберись тут, – посоветовал шеф. И себя в порядок приведи... Рабочий день грядёт.

Вопрос, хочу ли я здесь работать, больше как-то не возникал.

Из каморки под лестницей я переехал на второй этаж. Истинных размеров особняка, кажется, я не знаю до сих пор.

На первом располагалось агентство – в той самой анфиладе. На втором – обширная библиотека, мои апартаменты, состоящие из спальни с раскладным продавленным диваном и дико старинным, похожим на гроб, шкафом, гостиной, куда девчонки натащили разномастных кресел, подушек и низких светильников на ножках, а еще ванной – вполне современной, с душевой кабиной, говорящим унитазом и ультрафиолетом в раковине.

Стены были покрыты таким слоем обоев, что вздумай я его препарировать, мог бы проследить всю историю особняка, вплоть до восемнадцатого века. Верхний слой был полихлорвиниловым, "под кирпич", пружинящим и скрадывающим всякий посторонний звук.

Алекс вёл преимущественно ночной образ жизни. Днём в конторе он не появлялся, зато по ночам я нередко слышал его голос, и пытался представить существ, с которыми он беседовал.

Я же исполнял обязанности сторожа, переводчика и телохранителя при девочках – Антигоне, Афине и Амальтее, которые исправно принимали заявки и водили экскурсии.

Регулярно мне выдавали наличные, впрочем, не уточняя оклад и не требуя никакой отчётности...

Я отожрался, даже ранение, после того, как над ним поколдовала Амальтея, перестало меня беспокоить.

И даже завёл себе несколько новых книг: первоиздания Бродского, Маяковского и Блока. Стоили они не так, чтобы очень запредельно, и всё же мысль, что я могу себе их позволить, внушала некоторую приятность и уверенность в завтрашнем дне.

О потусторонниках никто больше не упоминал. Всё было обыденно и прозаично.

Антигона по своему обыкновению варила идеальный кофе, Афина готовила идеальные обеды и ужины – не балуя деликатесами, но и не опускаясь до банальных замороженных пельменей из супермаркета неподалёку. Амальтея следила, чтобы у меня были чистые выглаженные рубашки, обои не отваливались от стен, а по полу можно было ходить босиком...

В свободное от этих забот время девочки, втроём, управлялись с туристами. Моих услуг, как переводчика, требовали нечасто.

Ах да. Забыл рассказать про подвал, или цокольный этаж. Там был тир. Самый настоящий, с кабинками для стрелков, движущимися мишенями и таким разнообразием оружия, что в пору завидовать спецслужбам.

В тире я проводил свободное время. Никто мне в этом увлечении не препятствовал, – шеф и сам уделял немалое время тренировкам. Собственно говоря, это происходило каждый день.

Что характерно: всякий раз, беря в руки пистолет и наводя его на чёрную точку в центре мишени, я вспоминал желтые с вертикальными зрачками глаза...

Так прошло месяца два. Да, точно: начинался апрель, с его бурными внешними водами, пронзительно-голубым небом и стаями грачей. И хотя ночи были всё ещё темны, как зрачок мертвеца, днём солнечные зайчики резвились на стёклах домов, купались в лужах и прыгали по медным начищенным ручкам.

Но однажды ночью я услышал на лестнице шаги. И удивился. Обычно Алекс, если и приводил кого, беседовал внизу, в кухне или в одном из кабинетов. Но сейчас кто-то шел на второй этаж, ко мне...

Вскочив, я наскоро привёл себя в порядок: натянул джинсы, фланелевую рубашку и шерстяные носки – хотя особняк и имел современное отопление, по ногам немилосердно дуло.

К тому времени, как "они", пройдя сквозь библиотеку, постучались, я успел убрать постель и зажечь свет в гостиной.

– Вот, Сашхен, знакомься: Герман. Наш новый клиент, – сказал Алекс, пригласив ко мне в комнату молодого еще мужика в чёрном плаще.

– Можно просто Гера, – пожимая влажной потной ладонью мою руку, ослабил клиент. Во рту его сверкнул неестественно белый зуб.

"Хрен в кожаном пальто" – называл таких отец.

Было в Гере что-то неуловимо скользкое, как в залежавшейся в рассоле селёдке.

– Случилось так, что мне непременно нужно отлучиться, – объяснил своё появление Алекс. – А Герману ни в коем случае нельзя оставаться одному. Так что, не сочти за труд, кадет. Присмотри. Я вернусь к утру... Самое позднее – к обеду. Уж к завтрашнему вечеру точно буду. С клиента глаз не спускать, самого никуда не выпускать. Об остальном позаботятся девочки, – он развернулся, чтобы уходить, но остановился. – Да, ещё... Постарайся, чтобы Герману у нас было удобно.

– Выпить есть? – спросил Гера, как только хлопнула дверь особняка – о пружине я уже упоминал, и звук её разносился по всему дому.

– А тебе не много будет? – разило от него так, словно гость искупался в водке, причём, не снимая кожаного пальто...

– Да я вообще непьющий, – смутился тот. – Веришь, нет – недавно начал. Дней десять тому.

– А что так?

Наверху ничего съестного, равно как и выпивки, я не держал, и направился к лестнице. Гера, как приклеенный, потащился за мной.

– Страшно мне, понимаешь? До усрачки. Вот и забухал. Девушка – ну, моя девушка – выгнала. Невозможно, говорит, сутки напролёт перегаром дышать. А я остановится не могу. Так всё горит, что только водка и помогает.

– Так может, у тебя делириум? – я полуобернулся на площадке, и сразу ощутил на себе могучую волну крепкого, как чугунный лом, перегара. – Ну, белочка? Запой, одним словом?..

– Не-а, – не обиделся Гера. – Я первым делом к знакомому психиатру побежал. Похлибайтис, может, знаешь? Учились вместе. Теперь он забурел: больших шишек лечит. Но меня принял, как родного. Обследовал по всем статьям...

– А потом? – мне стало интересно. О Похлибайтисе я слышал: модный нынче на Питере доктор...

– А потом он меня выставил. Сказал: в церковь сходи, да на храм пожертвуй. Потому что у меня не психоз и не белая горячка – я же трезвый всё время, несмотря на то, что пью... Похлибайтис сказал, призраки – это не его епархия. Силы зла он изгонять не умеет.

– А вас одолели призраки, – утвердил я.

– Ну натурально!.. – обрадовался моей догадливости Гера. – Точнее, один призрак. Призракша. Или призракесса. Хрен проссышь с этими новыми бабскими заморочками, как правильно.

– То есть, вас донимает призрак женщины.

Войдя на кухню, я достал из холодильника водки – обычную "Смирновку". "Арктику" шеф для себя и близких друзей бережёт.

Хотел достать и рюмку, но Гера, выхватив у меня бутылку, опрокинул её над пастью и высадил "винтом" сразу половину.

– Если б я так пил, у меня не только призраки, но и бабочки, и мыши, и слоны бы перед глазами летали, – заметил я, когда гость сумел наконец свести глаза в кучку и выдохнуть.

– И у меня летает, – он помахал рукой перед лицом. – Так и ходит перед глазами. Туда-сюда, туда-сюда... И холодно от неё. Как от морозилки.

– И всё? – ведя допрос, я старался не слишком выдать своего любопытства и неосведомлённости.

– Ну, – Гера немного подумал. – Целоваться лезет. Бррр... Губы немеют – как чужие делаются. И за сердце хватает.

– Это как?

– А просовывает руку в грудь, и хватает. Сил моих нет... – гость рванул рубашку на груди, и я увидел синяки, похожие на длинные пальцы. Они тянулись у него по всем рёбрам и груди.

– Ого, – присвистнул я. – Хреново тебе, чувак.

– Вот и бухаю, – прозаически вздохнул Гера. – Не помогает, конечно. В смысле – от призрака. Но я его и не боюсь, – он посмотрел мне в глаза. – А вот сдохнуть боюсь. Раз – и сердце кирдык. Но с этим ваш начальник помочь обещал.

– С сердцем? – удивился я.

– С призраком. Обещал изгнать. Провести обряд экзорцизма.

– Экзорцизм устраивают, когда дух вселяется в живое тело, – автоматически поправил я.

Библиотека в нашем особняке была, как я уже говорил, богатейшая. Но несколько однобоко направленная: книги по колдовству, магии, демонологии – обо всех проявлениях потустороннего, начиная от Гейят-Аль-Хаким и Малого Ключа Соломона, до банального Папюса... А так же неплохая подборка по философии и эзотерике: Элифас Леви, Андрае, Святой Августин и Фрэнсис Бэкон. Никаких новоделов. В-основном, позапрошлый век...

И так как досуга у меня было много, а языками я худо-бедно владел, принялся изучать гримуары. Читиво местами наивное, но не лишённое любопытства...

– Да мне по барабану, как оно будет называться, – отмахнулся гость. – Лишь бы отцепилась от меня эта баба сумасшедшая...

И тут в кухне резко похолодало. Я увидел собственное дыхание, облачком пара выходящее изо рта, а Гера вдруг страшно, тоскливо, как цепной пёс на морозе, завыл.

– Ну вот, опять началось...

И я её увидел.

Глава 3

У призрака были длинные белые волосы. Они облепляли голову, как старая паутина. Тела разглядеть не удавалось, только лицо с страшными чёрными провалами глаз, носа и рта. Мучнистые щеки были пухлыми, как подушки.

– У-у-у... – неоригинально завыл призрак.

– А-а-а... – вторил ему Гера.

С удивительной проворностью он перемахнул барную стойку и спрятался у меня за спиной. Обхватил руками за плечи, и влажно дыша в шею, зачастил:

– Убери её, слышь? Христом-Богом прошу, убери её отсюда. Сгинь, пропади, нечистая! Аз Бога ведаю, иже херувимы...

– Помолчи, – приказал я, стряхивая тяжелые, как чугунные чушки, руки с своих плеч. – Не мельтеши, дай понять.

– Да чего тут понимать? Мочи её, мочи! – горячился гость. Из-за спины пахло перегаром.

Хорошо, что только перегаром, – мельком подумал я, не отрывая взгляда от белой фигуры. – Могло быть и хуже...

Призрак ничего особенного не делал. Просто мотылялся посреди кухни, на коричнево-желтых плитках, выложенных пятиконечной звездой. Я еще отметил, что возник он у дверей, а как добрался до сердца пятиугольника, так и остановился.

– Эй... – негромко позвал я.

– Что? – откликнулся Гера.

– Да я не тебе, я призраку... Эй, барышня!

Призрак заколыхался, как мокрая марля, и выпростал два протуберанца, похожих на руки. Казалось, они тянулись к самому моему горлу.

Сразу сделалось стрёмно. Будто из нашей светлой кухни я перенёсся в затхлый сарай, набитый пылью и дохлыми пауками. Воздуха здесь не было, только густая манная каша, которая стекала по внутренностям, оставляя липкие грязные следы.

Ни вздохнуть, ни крикнуть я не мог, а мог только слепо шарить по столу немеющими пальцами, а зачем – я и сам сказать не мог. Просто нужно было делать хоть что-то. Чтобы помнить, что я – всё ещё человек, что я ещё жив...

Эс-Сувэйда. Я был переговорщиком. С несколькими племенами удалось договориться, и они ушли. Остальные договариваться не захотели...

Я лежал на плоской крыше низкого, как и все здесь, дома, и смотрел через оптический прицел на дорогу, пыльный хвост которой извивался среди чахлах свечей кипарисов и мусорных куч.

От жары, напряжения и безделья меня потянуло в сон, и когда на эту трижды проклятую дорогу стали один за другим, как стежки швейной машинки, ложиться взрывы, я принялся стрелять.

Просто в тот момент это было единственное доступное мне действие. И его непременно нужно было осуществить, чтобы напомнить себе, что я всё еще жив.

Вокруг меня тоже стреляли, но я этого не слышал – заложило уши.

Потом я узнал, что этот беспорядочный с первого взгляда огонь помог прорваться нашему конвою...

Под пальцы мне попалась бутылка водки, почти пустая – я её опрокинул, и не смог поймать. Бутылка укатилась к краю и сверзилась на пол. На столе валялась ещё какая-то ерунда – салфетки, зубочистки, картонные подставки... Потом пальцы нашарили что-то тяжелое, твёрдое, ухватистое, и сжав это тяжелое, я метнул его что есть силы в призрака.

Отпустило.

Смертная пелена ушла, схлынула, воздух сразу потеплел и наполнился звуками. Писком, или тонким, на грани слышимости, воем.

Я огляделся. Гера полулежал на полу – окончательно упасть ему не дал кухонный шкафчик – и бессильно разбросав руки, хрипел. Глаза его уже закатились, лицо сделалось синим и страшным.

Опрокидывая табуреты, я рванул его на пол, толкнул в грудь – один, два, три, четыре, пять – а затем, зажав нос и внутренне содрогаясь от омерзения, прижался к распяленному, с фиолетовыми губами рту...

Еще один заход по рёбрам – наш войсковой фельдшер, Яков Моисеич, на курсах ОПП говорил так: – Если, делая искусственное дыхание, вы не сломали жертве пару рёбер, значит, плохо старались...

На четвёртом заходе рот-в-рот Гера закашлялся и пришел в себя.

– Ох, мать моя женщина!.. – выдохнул он и сел, оперевшись спиной о шкафчик.

Я пристроился рядом – ноги не держали. В проём между ножек стульев мне был виден пол, да и почти вся кухня. Призрака там не было.

Гера потянулся к бутылке. Но от водки осталась лишь пахнущая спиртом лужица на полу.

– Во блин... пролили, – расстроился гость.

– Это не призрак, – сказал я, глядя, как он вымучивает бутылку: "ну кошечка, еще капельку..."

– Да ну на фиг, а кто тогда? – Гера посмотрел на меня белыми, как варёные яйца, глазами.

– Это мстительный дух, – я уже успокоился и потянулся к кухонному ящику, в котором, я знал, Антигона хранит ментоловые сигареты. Достал пачку – осталось три штуки – прикурил, выпустил дым...

– А какая хрен разница? – после приступа Гера стал выражаться коротко и ёмко.

Я посмотрел в потолок. Лепнина на нём была настоящая, гипсовая, не то, что нынешний пеностирольный новодел.

– Призрак пугает, – сказал я, собравшись с мыслями. – А этот...

– Дак я же и говорю: боюсь до усрачки! – выдохнул Гера.

– Ты боишься не призрака. Ты боишься умереть.

– Ну!..

– А призрак убить не может. Пovýть, поколыхаться, воздух охладить – но не убить. А это... Колись, Гера.

– Не понял, блин?..

– Мстительный дух приходит с одной целью: покарать виновного. Того, кто обидел его при жизни. А твой дух очень обижен – если кидается на посторонних... В его нынешнем состоянии он уже не разбирает, кто прав, кто виноват. И это очень плохо.

– Не, ну ты же его грохнул, а? Он же развеялся!..

– Боюсь, я его только разозлил. И теперь он нападет на кого-нибудь ещё.

Вдруг меня разобрал смех. Нет, я не сошел с ума. Как раз наоборот, оценил юмор ситуации: два взрослых мужика среди ночи сидят на полу кухни, и всерьёз обсуждают нападение призрака.

– Да и хрен с ними, – Гера тоже повеселел и приободрился. – Лишь бы от меня отцепился.

– А на других тебе, значит, плевать, – поднявшись, я пошел к тому месту, где исчез призрак – посмотреть, чем таким я в него запустил.

Это была хрустальная солонка. Попад на плитки, она разбилась и соль рассыпалась широким веером.

Ну конечно, – кивнул я своим мыслям. – Соль. Универсальное средство борьбы с нечистью, – оказалось, чтиву из нашей библиотеки, которое я считал любопытным развлечением, могло сыскаться практическое применение... – Надо будет прикупить побольше и держать при себе.

Я ущипнул себя за руку. Нет, ну не идиот ли? Всерьёз собираюсь воевать с призраками. Может, я просто сплю? Во сне любые чудеса кажутся закономерными и обычными...

– А почему мне должно быть не плевать? – перебил мои мысли Гера. – Я эту хрень к себе не приглашал, и только справедливо будет, если другие хапнут того же дермеца, что и я. Вот если бы её к Лёльке послать, – он мечтательно вздохнул. – Это моя бывшая, – поднявшись, он самовольно залез в холодильник, но лишь тоскливо вздохнул: спиртного больше не было, а где стоит "Арктика", я говорить не собирался. – Ну, чтоб не до смерти, а так, припугнуть. Она бы мне тогда всё-о-о-о выложила.

– То есть, едва не отбросив копыта, ты желаешь того же бывшей жене?

Никакой благодарности за спасение, кстати, я так и не дождался.

– Не, ты не понимаешь, – хлопнув дверцей, Гера распотрошил Антигонино пачку. Одну сигарету он, прикуривая, сломал и тут же бросил на стол, взял последнюю... – Это же такая сука. Раздела меня догола. При разводе. Я у неё в ногах валялся, а она смеялась.

– Ты чем по жизни занимаешься?

Казался Гера или бандитом средней руки, или подручным какого-нибудь политика, что было в общем-то, одно и то же...

На гостя мне смотреть не хотелось, так что отыскав в закутке веник и совок, я принялся подметать пол.

Выложенная терракотовой плиткой звезда, которая раньше казалась декоративным украшением, сейчас привлекла моё пристальное внимание. Пять острых углов, в середине – пятиугольник. Вся фигура вписана в круг, по его ободу тянутся буквы древнеарамейского алфавита... Надо уточнить, что здесь написано – я мгновенно вспомнил, где видел такую штуку раньше. В книге М. Холла, в главе о древних культах...

Пентаграмма, или же пентакль.

Если смотреть от кухонной стойки, где были мы с Герой, пентакль располагался к нам "рогами", был перевернут. А перевернутые пентакли ещё называют "Сигил Бафомета". Или звезда дьявола...

– Да бизнесмен я, – пожал плечами Гера. – То-сё, туда-сюда... Но всё чисто, – он выставил вперёд пустые ладони. – По закону. Сейчас без закона никуда.

Сказал он это так тоскливо, ностальгически, что захотелось ему врезать. Голова моя, наклоненная над веником, сделалась пустой и тяжелой, как чугунок, в глазах заплясали красные мушки...

Выпрямившись, я подошел к мусорному ведру, чтобы выбросить осколки и соль, и меня отпустило. Оглянувшись, я понял, что не подумав, занял место духа в центре пентакля, а теперь вышел за его пределы.

Чудны дела твои, Господи...

Мой отец, бывший партиец, человек аналитического ума, в Бога не верил. Но просыпав соль, никогда не забывал плюнуть через левое плечо. Повстречав бабу с пустым ведром – поворачивал назад. И никогда не выносил мусор на ночь глядя.

Я его поведение понимал так: на Бога надейся, а сам не плошай. Суеверия и вера в моём детском разуме были суть – одно...

Впрочем, правильно писал поэт: – Не бывает атеистов в окопах, под огнём.

– Играть люблю, – неожиданно сказал Гера. Я воззрился на него в удивлении – забыл уже, что сам спрашивал о занятиях. – Покерок, двадцать одно... Играю нечасто, но грамотно. Не погибаю.

При упоминании карт в голосе его прорезалась гордость – я так понимаю, профессиональная.

Сам я играть никогда не любил. "Цыганская игра", – как-то раз, в детстве, обронил отец. А я цыган тогда боялся страшно... Впрочем, не будем об этом.

– И что больше: выигрываешь или проигрываешь? – спросил я без любопытства, просто чтобы побудить его говорить дальше.

– Как карта ляжет, – философски вздохнул Гера. – А вот была у меня одна знакомая... Мы её меж собой Графиной звали. Прикинь: заранее знала, какую карту ставить.

Я усмехнулся. О системы карточных игр копий сломано немало. Везунчиков объявляли и провидцами, и волшебниками, и что случалось гораздо чаще – шулерами. Но всё было гораздо прозаичнее: хорошие игроки просто умеют считать. Один мой друг, капитан Белов, убили его в позапрошлом году, под Кунейтрой, говорил: – В покере главное – дуэль разумов. А карты нужны, чтобы руки занять...

Про Геру покойный Белов не сказал бы, что он хороший игрок.

И тут нас накрыла вторая волна. Женщина в белом возникла внезапно, как светящееся веретено от пола до потолка. Теперь было явственно видно голову, плечи, довольно таки пышную грудь, талию, длинные ноги... Щеки, которые раньше казались мучнистыми подушками, сейчас втянулись, черты лица её сделались чёткими, волосы не казались более паутиной, а серебряным каскадом спадали ниже талии. Молодая женщина. При жизни, наверное, красивая...

Сейчас рот её был распахнут в крике, а руки с острыми длинными ногтями тянулись к нам. Женщина была вся бледная, прозрачная, как Кентервильское приведение из мультика, и целостность облика портило лишь одно: с прозрачных ногтей её капали вполне настоящие капли крови.

С тяжелым стуком плюхались они на пол, быстро бурели и подёргивались сизой плёнкой.

– А-А-А!... – пуще прежнего заверещал Гера. – Убери её от меня!

По щекам его, тоже сизым от проступившей щетины, катились крупные слёзы.

– Христом-Богом, – он упал на колени и попятился от духа в самый дальний угол, за холодильник. – Всё забирай, только меня не трогай... Машину бери, хату бери...

На этот раз дух был умнее: в пентаграмму не полез, колыхался у дальней стены. Расстояние ослабило суггестивное его воздействие – я не чувствовал ни смертной тоски, ни того сухого пыльного сарая с пауками; но желание вскрыть себе вены было почти непреодолимым – по большей части, чтобы не слышать надрывного Гериного воя...

Помотылявшись по углам, и не найдя пути через пентакль, дух исчез. Но не успел я выдохнуть, как он появился – на нашей стороне кухни, где места для манёвра было гораздо больше.

Кровь с рук текла ручьями, прямо таки сплошным потоком. На полу уже набирались не капли, а полноценные лужи.

Я не к месту подумал: влетит мне от девчонок за беспорядок...

Гера к этому времени скрылся совершенно – забился под подоконник, и оттуда шел лишь скулёж, как от скорбной зубами гиены.

Дух же смотрел на меня. Не знаю, как он умудрялся смотреть без глаз – там были лишь чёрные провалы – но от взгляда его мышцы сделались ватными, ноги подкосились, и я грохнулся бы на пол, если бы не табурет.

Почувствовав под седалищем прочную твердь, я немного пришел в себя. Дух, тем временем, нависал уже надо мною. Пасть его, полная острых, как иглы зубов, распахнулась невероятно, и нацелилась на моё горло...

В краткий миг просветления я пожалел, что сразу, как только дух развеялся в первый раз, не нашел мешок соли и не рассыпал её по всему полу. Но делать нечего: на кухне я полный профан, и где взять вожделенный мешок – не ведал.

Тогда я ощупью открыл ящик стола и достал нож. Махнул им по тому месту, где у призрака должен быть живот, и отшатнулся: хотя я не ощутил никакого сопротивления, из тела духа хлынули на стол жуки, сороконожки и прочие мерзкие твари.

Они копошились, сплетались в клубки и тихонько, на грани слышимости, поскрипывали.

Меня словно окатило ледяным душем.

Не думая, не отдавая себе отчёта в действиях, я подобрал металлический поднос с ручками по бокам и грохнул его на насекомых. Раздался сочный хруст, из-под подноса брызнула зелёная жижа... С детства не терплю всех многоногих, покрытых хитином, с усиками и сяжками. После того, как однажды, в деревне у деда, полез в подпол – там росли интересные грибы – и наткнулся на кубло таких вот сороконожек... Серых, влажных, безглазых и мягких.

Я тогда полдня ревел, дед насилу успокоил.

Призрак, даром, что располосованный почти пополам, всё тянул ко мне руки, прицеливаясь в шею.

Я махнул ножом еще раз, и ещё... Наконец туманные ошметки провалились в пол.

В голове билась одна мысль: – отлично. Сталь тоже работает...

Сказать, что мне было плохо – значит, ничего не сказать. Тошнота подкатывала так, словно я объелся тухлых селёдочных голов. Ноги не держали. Сердце бухало глухо, но при этом как-то неуверенно, пропуская и путая ритм. Словом, больше всего было похоже на сильную потерю крови.

Мстительный дух создаёт геопатогенные зоны, – вспомнил я из прочитанного. Попадая в них, человек чувствует резкий упадок сил, духовных и физических, впадает в сумеречное состояние души и хочет плакать.

Плакать я не хотел. Хотел выбить дурь из дурака Геры и хотя бы тем успокоить нервы... Но шеф особо подчеркнул: гость должен чувствовать себя комфортно. К сожалению, до этого и без мордобоя было далеко.

Кое-как сковырнув себя с табурета, я принялся рвать дверки шкафов, одну за другой, пока не нашел полиэтиленовый сине-красный килограммовый пакет с надписью: "Соль йодированная, пищевая".

Зубами вскрыв упаковку, я стал сыпать соль на пол, двигаясь вокруг барной стойки, захватывая в круг себя и скрючившегося у ножки стола Геру.

Скулить тот уже перестал, но лежал в позе эмбриона, обхватив ножку руками и ногами, зажмурившись и выплёвывая воздух вместе со слюнями, сквозь крепко сжатые зубы.

Очертив круг, я бросил пустой пакет на пол и вновь полез в шкафчик. Где у шефа хранится "Арктика", я знал. И теперь – я это чувствовал – самое время было её достать.

О дикости и нереальности происходящего я больше не думал – лужи крови, оставленные призраком, только начали подсыхать...

Геру я влил водки, просто разжав зубы горлышком. Он глотал, как голодный младенец молочную смесь. Гулко и со всхлипами.

Себе я налил в рюмку и высадил одним махом, не почувствовав ни вкуса, ни запаха. Налил еще одну – с тем же результатом.

Потянулся к пачке, но та была пуста. Тогда я взял сломанную Герой сигарету со стола, прикурил и выпустил дым в пол. Поспешно отвёл глаза... Как и кровь, раздавленные насекомые остались на месте, и приятности вида не способствовали. В воздухе преобладал тяжелый металлически-маслянистый запах. Смешиваясь с перегаром Геры, букет был непередаваемый.

Поднявшись с табурета, я вытянул руку – стараясь не выйти из солевого круга – и открыл форточку. В лицо ударил морозный воздух. Пахло снегом, мокрым асфальтом, выхлопными газами и своеобразной сыростью реки, которая не исчезала даже в самый лютый мороз.

Так я стоял минуты три: глубоко дыша, перемежая вдохи с затяжками. Выпускал в форточку сигаретный дым, и ни о чём не думал.

Наклонился поднять Геру, только когда почувствовал: отпустило. Я готов разговаривать, не калеча подозреваемого...

Подняв гостя за воротник пальто, я взгромоздил его на стул – с табурета тот бы сверзился, и прислонил к спинке.

– Сколько ты продул, Герасим?

Говорил я тихо, положив руки на стол, как любил это делать шеф – только без револьверов. И глядел на него эдак проникновенно...

– Гер... Герман я. А не Герасим, – сказал тот, жадно глядя на бычок у меня в пальцах.

– Это несущественно. Так сколько?

– Две... Двести штук. Зелёными.

Неудивительно, что Гера начал заикаться. А я вновь вспомнил отца: также, как и у него, у меня была гетерохромия – один глаз карий, другой – зелёный. Так вот: отец говорил, что правду он может вытянуть из любого. Стоит пристально посмотреть – и человек начинает заикаться... А потом выкладывает всё, как на духу. Большого значения этой своей особенности он не придавал, но втайне очень гордился.

Со мной, чтобы заикались, ещё не бывало. Но взгляд разных глаз, я заметил это давно, внушает большие неудобства. Особенно, если психика и так в полном раздразне...

– Когда? – выстрелил я новым вопросом.

– Месяца... Ик, полтора назад.

– И не отыгрался.

– Не, сука.

Плечи Геры поникли. Из груди вырвался тяжелый вздох.

Я прищурился: Гера бессовестно врал. За те пару часов, что мы знакомы, я его уже видел всякого: и наглого, и пьяного, и трусливого, и вообще без всякого соображения... А вот сейчас Гера врал. Неумело отводил взгляд, пыхтел, тербил пуговицу на пальто.

– Ты кровь видишь? – спросил я.

– Ну...

– Что "ну"?

– Ну вижу...

Дальше была чистая импровизация, которая, как я потом узнал, недалеко ушла от истины.

– Это значит, она кого-то нашла, понял? Не получилось достать тебя – полетела, напала на какого-то бедолагу, и загрызла... И теперь его смерть на твоей совести, Гера.

– Одним бомжом больше, одним меньше, – всё так же пряча глаза, угрюмо и упёрто пробубнил гость.

– Но ты ведь не можешь прятаться от неё вечно. Однажды ты выйдешь на улицу, и она...

– Вы обещали! – заверещал Гера. – Вы обещали защитить меня от неё!

– Обещал мой шеф, – спокойно сказал я.

Эх, жалко, не осталось сигарет! Как бы эффектно и хладнокровно можно было выдуть дым из ноздрей, затушить бычок – как точку в предложении, как окончательный приговор...

– Твой шеф сказал, что я могу больше ни о чём не беспокоиться, – упорно глядя в стол, бубнил Гера. – Сказал, что он займётся моим делом, и что я...

– Я могу выкинуть тебя из круга, – сказал я, начиная закипать. Обо всех навыках переговорщика я в этот момент как-то забыл, не думал. – Могу просто стереть соль в одном месте, впустить духа, а потом выйти и запереть круг вновь. И шеф будет ни при чём. Его ведь здесь нет, а я скажу, что ты сам...

В этот момент я ненавидел себя. Ненавидел всей душой, всеми жилками и клеточками. И я был рад, что Гера прячет глаза: потому что мысленным взором видел совсем другие. Огром-

ные от боли, чёрные от расширившихся зрачков, жгучие от ненависти. В них горел огонь фанатизма, негасимый пламень веры...

– Давай, колись, Гера, – сказал я, успокаиваясь. – Ты ведь отыгрался, верно? Воспользовавшись секретом той своей знакомой... – он упорно молчал. – Оговорка по Фрейду. Знаешь, что это такое? Это когда преступник сам, не осознавая, хочет, чтобы его поймали. Он ошибается намеренно, сам даёт подсказки. Ключи к преступлению, которая он совершил.

– Я не преступник! – завизжал гость. – Это был несчастный случай, я не хотел, – он прижал кулаки к глазам и снова зарыдал. Сквозь сопли и слёзы доносилось бормотание: – Я не хотел, так получилось... Она сама...

– Может, ты и не хотел, – сказал я. – Но видишь ли, дух думает иначе. Он не стал бы являться тебе, если б не верил, что виноват именно ты. А теперь самое главное: не зная, что конкретно ты сделал, я не смогу тебе помочь.

Геру трясло.

– Ладно, давай я буду говорить, – я знал, что так легче. Когда говорит кто-то другой, ты как бы и ни причём. Просто киваешь в такт словам – кто тебе запретит? Но сам, сам ты ничего не говоришь... – У тебя есть знакомая, которая пользуется необыкновенным везением в картах, так? – Гера мелко закивал. – И проиграв двести тысяч, ты пошел к ней, – снова кивок, кулаки прижаты к глазам.

Я вспомнил слова Геры, сказанные про карты: – Играю я редко, остаюсь при своих...

– Ты ведь не любил рисковать, правда? Не любил ни крупных выигрышей, ни проигрышей. Но в тот раз тебе не повезло. А отдавать-то нечем, верно? И ты пошел к ней... В ногах валялся, умолял. И она согласилась. Она бы и так согласилась, но видеть твоё унижение ей было приятно. Что было дальше?

– Она назвала мне карты, – я налил Гере водки, и он выпил её, икая и причмокивая, как воду. – И сказала ставить по одной, один раз за талью. Но главное условие... Главное, выиграв трижды, никогда больше не играть. Вообще. И я обещал, – после водки Гера пришел в себя, и теперь слова лились из него потоком – не остановить. – Отыгрался, на следующий день поставил ещё... Выиграл.

И он вновь замолчал. Вновь уставился в стол, затеребил пуговицу.

– Дай угадаю: тебе показалось мало.

– Тебе когда-нибудь шла карта? – сипло спросил Гера. – Это... Это круто. Как будто ты – хозяин мира.

– Значит, тебе показалось мало, – уточнил я. – И ты поставил в третий раз. И конечно же, проиграл.

– Сука, – устало выругался Гера. – Разве можно так над человеком издеваться? При разводе забрала всё: дом, машину, дачу на море... У меня осталась только игра. Но она умудрилась отнять и её.

– Значит, этой женщиной была твоя собственная жена.

– Она меня сделала. Обобрала сверху до низу. И всё из-за секретарши. Отомстила, блин. Я не хотел её убивать. Справедливости хотел... – он посмотрел на меня с вызовом. Нос хлопает, глаза красные... – Я не хотел её убивать.

И тут женщина в белом появилась в третий раз.

Глава 4

На этот раз женщина даже не походила на духа: тело утратило прозрачность, стало плотным и обрело цвет.

Крашенная блондинка. Пышная, ярко покрашенная, в домашнем халате с рюшами.

Появившись за пределами солевого круга, в котором сидели мы с Герой, она сложила руки на груди и выставила полную ногу в тапке с пушистым помпоном. То, что я принял за помаду, было кровью на губах. Вместо глаз зияли чёрные дыры.

Несоответствие обыденного её домашнего облика и поведения, с страшным потусторонним лицом, внушало дикий экзистенциальный ужас.

Гера вновь завыл и попытался юркнуть под стойку, но женщина оборотила к нему пустые глазницы, и он застыл. Только мелко икал и подрагивал, как студень.

– Держись, Герасим, – тихо сказал я, едва разлепляя заледеневшие губы. – Через соль ей не пройти, а к утру дух обязательно развеется.

– Я к утру кони двину, – Гера вновь попытался упасть. Я ногой толкнул к нему табурет.

– А я тебя всё равно достану, – вдруг, совершенно спокойно, сказала женщина.

– Ты мне и так всю кровь выпила!.. – завершал мой гость. – Всё ведь забрала, сука. Голого оставила!

Женщина мстительно улыбнулась, а затем наклонилась – волосы замели пол – и подула на соль.

Дыхание её было ледяным, в нём угадывались запахи промёрзшей могилы, мокрого дерева и сопелых тряпок.

Крупинки соли начали размываться, разбегаться в стороны, как живые, и стало понятно, что через пару секунд круг перестанет быть цельным.

Взяв в одну руку нож, а в другую – тяжелый металлический табурет, я скомандовал Гере: как только круг разомкнётся – беги.

Последние крупинки откатились в сторону, женщина мстительно расхохоталась, а Гера рванул. Только рванул он не вдоль барной стойки, в обход круга, а прямо через него, как больной лось. Соль из-под его копыт брызнула в разные стороны.

План был таков: дух врывается в круг из соли, мы с Герой выскакиваем, и запечатываем линию за собой... Но то-ли я выразился недостаточно ясно, то-ли у гостя моего при виде бывшей жены, покойницы, последний разум отшибло, но всё пошло прахом.

Круг больше не был кругом и дух мог свободно перемещаться, куда захочет. А захотел он, разумеется, напасть на бывшего мужа.

На мгновение очертания женщины в халате размылись, стали белым облаком, а в следующий миг облепили грузную Герину фигуру, словно ватное одеяло.

Я растерялся. Не думая, попытался сорвать с него это одеяло, но руку обожгло, как огнём, и только прижав пострадавшую конечность к себе, я понял, что ожог был ледяным.

– А-А-А-У-У-У... – доносилось из зыбкого кокона, и не различить было, дух это воет, или человек.

Не представляя, что делать, я зачерпнул горсточку соли с пола и запустил ею в призрака.

Не помогло. Вероятно, добравшись до предмета своих вожделений, дух сделался на редкость крепок и силён.

Сквозь ватную завесу я видел посиневшее Герино лицо. Отчаяние, страх, а затем покорность судьбе и даже некоторое облегчение по очереди отражались в его мутных свинячьих глазах.

– Прости, Герасим, – одними губами сказал я, наверняка зная, что он меня не услышит.

И тут рядом с духом что-то плюхнулось на пол. Больше всего оно походило на кожаный мешочек, из которого валил чёрный дым.

Дух стёк с Геры, как мыльная пена, собрался в растрёпанную женщину, и тут же начал распадаться – словно повреждённое кислотой изображение на фотографии.

Тогда я рванул Геру на себя, окончательно освобождая его из липких объятий, и в тот же миг заметил Алекса.

Шеф стоял в дверях кухни, спокойно заложив руки в карманы чёрного кашемирового пальто, и смотрел на тающую женщину.

Грустно так смотрел. С участием.

В круге из соли выпала роса.

Оставляя мокрые следы, мы с Герой выбрались, как солдаты из окружения, за его пределы и бессильно опустились на стулья у обеденного стола.

Гость мой бухнулся лбом в столешницу. Плечи его бурно содрогались, и сначала я решил, что Гера по обыкновению рыдает. Но это был смех.

– Су-у-ука... – тянул он между гомерическими приступами. – А всё ж обыграл я тебя на прикупе.

Шеф, подойдя, уселся напротив и упёр подбородок в набалдашник трости.

Трость у него была интересная. Тяжеленная, с стальным наконечником. По слухам, внутри она была полая и содержала в себе шпагу. В рукояти же помещалась вместительная фляжка. В ней шеф держал малайский ром.

Во всяком случае, так утверждала Антигона. И добавляла, что ей этот ром довелось попробовать, и был он такой крепости, что у неё волосы на груди выросли...

– Однако рано радуетесь, милейший, – сказал шеф, обращаясь к Гере. – Мучительницу вашу окончательно изгнать не удалось. Да и не в моей это власти: не я её в этот бранный мир призвал, не мне и спроваживать.

Гера поднял голову. Глаза у него сделались масляные, на щеках багровели лопнувшие сосуды. Щетина торчала из подбородка во все стороны, как иглы дикобраза.

– Вы же обещали, – взмолился он. – Вы же мне... Я вам...

Шеф только флегматично пожал плечами, и достав кисет, принялся раскуривать трубку.

Гера посмотрел на меня. Я тоже пожал плечами – совершенно искренне.

– А что же мне делать? – наконец спросил гость, глядя на шефа, как на истину в последней инстанции.

– Вас спасёт правда, – улыбнулся Алекс сквозь клуб густого вишневого дыма. – Одна только правда, и ничего кроме. Расскажите. Облегчите душу.

Гера с минуту смотрел в пустоту, теребил пуговицу на пальто, и когда та наконец оторвалась, подведя итог размышлениям, сунул её в карман и решительно сказал:

– Случайно это вышло. Несчастный случай. Я её напугать хотел. Толкнул легонько, а она и... Об камин.

– Да не мне, – брезгливо перебил Алекс. – С меня довольно и того, что вы признаёте вину, – он посмотрел в глаза гостю и добавил: – Рассказать нужно полиции.

Гера заволновался. Тоскливо заломил руки, глянул в окно – словно прикидывал, как бы сбежать.

За окошком наконец-то занимался серый зимний рассвет, бессолнечный и беспросветный.

– А без полиции – никак? – искательно спросил он. – А я уж в долгу не останусь.

– Никак, – строго сказал Алекс – Чтобы дух успокоился, сатисфакция должна быть совершенная. Око за око, зуб за зуб, – другого духи не приемлют. Конечно, лучше всего её упокоит ваша смерть, – Гера вздрогнул и отодвинулся от шефа подальше – будто бы это помогло. – Но добровольная явка с повинной тоже сгодится. Кресты – место намоленное, сакральное. Там вас дух покойной супруги не потревожит.

Мне-то показалось, что как только шеф кинул свой мешочек, мстительный дух растворился без следа. Но Алексу виднее...

– Ну как, согласны? – уточнил он.

– А иначе нельзя? – На Геру было жалко смотреть. От бывлой бандитской лихости не осталось и следа. Плечи опустились, глаза потускнели. Даже кожаный лапсердак его не поскрипывал теперь воинственно и бодро, а лишь уныло шуршал.

– Ну почему? – шеф поднял густые и чёрные, как у запорожца на картине Репина, брови. – Можно. Сутки или двое. Сашу я вам больше не дам: самому нужен. Так что придётся защищаться самостоятельно... В монахи вот хорошо пойти, – будто ему только что пришла эта мысль. – Но попы нынче жадные: запросто так не возьмут, а капиталов у вас, Герман, не осталось. Так что, послушайте совета опытного человека: идите в полицию. Они вам будут рады. И не обидят – это я вам обещаю. В качестве последней услуги могу вызвать "воронок" прямо к крыльцу. Хотите? – Гера молчал. – Соглашайтесь. Не думаете же вы, что покойница до вас днём не доберётся? Ей-то всё равно, а вам и отдохнуть когда-то нужно.

– Хорошо, – Гера склонил голову. В тёмных волосах его обозначились седые пряди. Когда он вечером только пришел, седых волос я вроде бы не заметил. – Вызывайте.

Посидел так секунд двадцать, и вновь вскинулся:

– А они точно смогут...

– Хотите гарантии – купите тостер.

Через полчаса у нас перед крыльцом стоял воронок, Геру двое дюжих сержантов усаживали на зарешеченное заднее сиденье, а к нам, на ходу закуривая, шел майор Котов.

– Интуиция у тебя, Сергеич, феноменальная, – говорил он, протягивая лопатоподобную руку сначала шефу, затем мне. – Только я за тобой послать хотел, глядь – а ты сам звонишь.

Майор Котов бывал у нас и раньше: приходил консультироваться по разным вопросам. Девочки его любили. Угощали кофе с домашним печеньем, а он их – сальными анекдотами.

Я с ним сошелся на почве любви к русской классике. Котов фанател от Твардовского. Василия Тёркина так вообще наизусть знал.

– "Переправа, переправа, берег левый, берег правый.

Снег кровавый, корка льда...

Кому память кому слава, кому тёмная вода."

– Чтобы так писать, Саша, нужно это пережить, – говорил он за рюмкой портвейна, до которого был большой любитель. – Коротко, ёмко, по существу. Эпическая сила!..

В убойном отделе он работал больше двадцати лет. Мелкая шушера боялась Котова пуше, чем самого дьявола, воры в законе уважали, а маньяки старались обходить Петербург стороной – несмотря на фамилию, в преступника майор вцеплялся, как бультерьер.

– Что-то случилось? – флегматично спросил шеф. Сейчас, при мутном утреннем свете, было видно, что он очень устал. Щегольское пальто его было вымазано в глине, на впалых щеках залегли фиолетовые тени. Обычно гладко зачёсанные волосы превратились в кудрявую шевелюру.

Майор неуверенно посмотрел на меня. Я, не дожидаясь просьбы, выбросил бычок в урну и собрался идти в дом, чтобы не мешать, но Алекс меня удержал.

– Можешь говорить при Саше, – обратился он к Котову.

Тот лишь пожал плечами, а я удивился: раньше в свои дела Алекс меня не допускал.

– Труп, старик, – сказал майор и полез в нагрудный карман куртки за новой сигаретой. – В Пушкинском.

– И что?

Майор беззвучно выругался, а затем сплюнул в снег.

– Чертовщина. Иначе и не скажешь.

– Снимки есть?

– Да есть. Только, – он как-то боком, просительно посмотрел на шефа. – Может, ты сам глянешь? А? Там такое... – он помахал в воздухе сигаретой. – Не могу описать. Хреновое. А ты у нас, вроде как, специалист.

– Выпravi пропуск, – кивнул Алекс. – Мы поедem на своей машине.

Майор, обнадёженный, поскакал к полицейскому фольксвагену.

Немного об авто. В гараже при особняке стояли три машины. Мини-купер, который брали девочки, когда ездили по делам и за покупками, автобус-мерседес на двадцать четыре посадочных койки – комфортабельный, как номер-люкс в отеле "Четыре сезона", с санузлом, баром и кухней.

Третьей машиной был Хаммер шефа. Тяжелый, как броневик, и неповоротливый, как беременный бегемот. Днём ездили на нём не часто – проще было вызвать такси; но зато по ночам Алекс со своим любимым зверем не расставался.

Я удивился: если этот монстр врюхается в пробку, мы рискуем застрять до вечера. Но шеф уже бросил мне ключи и исчез в доме, со словами:

– Я только умоюсь...

Прошло от силы минут семь. Я неторопливо прогревал двигатель, когда шеф, аки селезень спорхнув с крыльца, рванул дверцу с пассажирской стороны. Был он выбрит, причёсан, в свежайшей белой рубашке и совершенно чистом пальто

Я тихо подозревал, что таких пальто – длиннополых, с высоким воротником и множеством потайных карманов – у него несколько. Но доказательств этой своей гипотезы не имел...

– Куда? – спросил я, выруливая в автоматически открывшиеся ворота.

– На Гусарскую, – распорядился шеф.

– Скоро пробки, – робко возразил я. – Может, на такси...

– Не мутите воду, кадет, – Алекс откинул не слишком эргономичное сиденье и прикрыл глаза. – Включай навигатор и гони...

С этими словами он обмяк и мгновенно погрузился в сон.

Через полчаса мы были на месте. Ошибиться невозможно: возле скучного серого дома с обшарпанными балконами, на детской площадке, высился надутый полиэтиленовый белый купол. Его окружали полицейские в асфальтово-серой форме, за ними был круг сине-белых машин с мигалками.

Неподалёку, в подворотне, приткнулся узик МЧС.

– Приехали, – сказал я негромко и шеф сразу открыл глаза.

Мигом оценив обстановку, он достал Котовский пропуск и прилепил его на переднее стекло.

– А теперь, кадет, постарайся подъехать как можно ближе к той палатке, – скомандовал он. Открыв окно нараспашку, высунул в него руку и стал неопределенно шевелить пальцами в воздухе.

В последствии я узнал, что так Алекс "щупает" ауру.

Дело в том, что я был "прирожденный" эмпат, или латентный медиум – как назвала меня Антигона. Все изменения психологического климата я ощущал на себе: мне делалось тоскливо, стрёмно, муторно – и так далее по списку. В теории, попав в благоприятную психологическую зону, я должен был ощутить прилив сил, бодрость, эйфорию... Но такого со мной, увы, еще не случалось.

Шеф же таким полезным, но несколько хлопотным талантом не обладал. И научился "щупать". Как лозоходец. Только вместо лозы он использовал собственные руки.

– Очень плохо, – наконец сказал он. – Всё, ближе не подъезжай. Становись прямо здесь.

– Но здесь детская площадка...

– А ты видишь каких-то детей? Не беспокойся, – смягчился шеф. – Никто тебе худого слова не скажет.

Наверное, еще в машине я ощутил исходящее из палатки зло. По-другому я объяснить не могу: инстинктивно казалось, что в том месте, под белым куполом, произошло что-то такое, что уже почти невозможно исправить.

Заглушив мотор, я вытащил ключ, отстегнул ремень безопасности, но так и не решился толкнуть дверцу и выскочить наружу.

– Что, мон шер, не хочется? – спросил Алекс. Я кивнул. – Ничего, – он ободряюще похлопал меня по плечу. – Всё проходит. И это тоже пройдет... Насквозь. Вынет душу, выморозит сердце, и сгинет. Расслабься.

– И получай удовольствие? – угрюмо откликнулся я.

А сам подумал: – зачем я здесь? Почему ввязался в эту совершенно дикую игру с призраками, духами и вот этими вот убийствами... Ведь майор Котов говорил, что это убийство?

– Просто ты устал, – сказал шеф. – Бессонная ночь. К тому же, ты получил двойную дозу суггестивного воздействия. Расслабься. Сделайся, как перо. Лёгкое, летучее и свободное. Пусть зло проходит сквозь тебя. Главное, чтобы не задерживалось внутри...

Впоследствии, шеф неоднократно пытался объяснить мне, как вести себя в таких специфических местах – чтобы облегчить их воздействие. Но каждый раз, внимательно его выслушав, я хоть убей не мог применить эти советы на практике. Хапал максимальную дозу, неделю

валялся на диване и пил горстями антидепрессанты. Впрочем, со временем мне удалось сократить период ипохондрии до суток...

Алексу тоже доставалось. Но в нём, вместо депрессии, просыпалось стремление к кипучей деятельности.

В такие ночи он с особенным рвением водил экскурсии, не являясь до самого утра, а днём, расположившись на кухне, пил горькую и читал стихи.

Стихов он знал великое множество: если бы у меня была такая память, от рюкзака, набитого книгами, я бы давно избавился...

...К палатке нас пропустили беспрепятственно. Уж не знаю, кто пользовался большим авторитетом: мой шеф, или майор Котов, но препон нам чинить не стали. Даже прислушались: когда Алекс, отведя дежурного капитана в сторонку, объяснил, что стоять так близко к месту преступления не только бесполезно, а еще и очень вредно, тот послушно снял оцепление и отвёл охрану подальше.

– Ребята, конечно, не такие чувствительные, как ты, мон шер, но маяться, словно с жесточайшего похмелья, обязательно будут, – пояснил он на ходу.

Воздух внутри был белым. Он сгустился и сконцентрировался, став похожим на толстый синтепон. Дышать им было примерно так же.

В центре палатки была детская песочница. Обыкновенная песочница, каких много по дворам спальных районов. По зимнему времени в ней обычно возвышался сугроб, с воткнутой в него деревянной лопатой.

Здесь же снега не было и в помине. Песок был плотно утрамбован, а сверху лежала... Кукла?

Нет. К сожалению, не кукла. Просто тело девушки было настолько неподвижным, что казалось плоским. Его накрыли зелёной медицинской простынёй, оставив лишь белые маленькие ступни и голову с распущенными огненно-красными волосами.

Сочетание красных волос и зелёного савана делало её похожей на цветок розы – или это моё воображение пыталось отключиться от действительности, увести мысли в более безопасное русло...

– Что ты чувствуешь? – спросил шеф. Заложив руки глубоко в карманы пальто, он стоял на самом краю песочницы и смотрел на девушку.

– Какой козёл мог её убить?

– Нет, не то... Попробуй ассоциативно. Что первое пришло тебе в голову, когда ты увидел труп?

– Цветок розы, – слова вылетели прежде, чем я успел подумать.

– Так, хорошо. Что ещё?

– Шипы.

– Интересно.

Не наступая на песок, Алекс вытянул руку и приподнял тростью зелёное покрывало. Во рту стало горько и я сглотнул. То-то мне показалось, что лёгкая простынка как бы парит над телом, не касаясь его...

Вся кожа её была утыкана иголками. Издалека их было почти не видно, иголки были тонкие, так называемые, акупунктурные. Но их были тысячи. Может, десятки тысяч. И они покрывали её целиком, даже веки и губы.

Я наклонился, пытаюсь рассмотреть, что было снизу – девушка лежала на спине.

– Можешь не трудиться, – сказал шеф. – Там то же самое. А впрочем, посмотри...

И он приподнял простынь посередине, там, где спина девушки переходила в ягодицы.

Да. Он был прав.

Иголки были короткие – из тела они торчали сантиметра на два. Но что характерно: затылок, спина, ягодицы и ноги девушки не касались утрамбованного песка. Она как бы парила на этих иголках, между тем светом и этим, между галлюцинацией и явью, между небом и землёй...

– Так и задумано, – сказал шеф, когда я поделился своими мыслями. – Иголки не дают телу контактировать с твёрдыми средами.

– Но... Зачем?

На теле девушки я не увидел никаких повреждений. Не было крови, синяков, ногти на её руках были аккуратно подпилены и покрашены в розовый цвет. На ногах – в красный.

– Красотка, – задумчиво сказал Алекс, глядя на девушку. – Высокая, фигуристая. Пухлые губы, большие глаза... – я удивился, как он в тот момент мог думать о ней, как о женщине... Но вдруг он, прервав сам себя, перескочил: – Известно, зачем: чтобы забрать её жизненную силу. Без остатка. Выпить до капли.

– Так это... энергетический вампиризм? – памятуя ночное сражение с мстительным духом, я ничему не удивлялся.

– Не надо здесь больше стоять, – вдруг сказал шеф и потянул меня за рукав. – Идём, идём, мон шер, здесь мы больше ничего не увидим...

Он тащил и тащил меня за рукав, а я брёл, словно сквозь холодную вязкую воду. И только выбравшись из палатки и почувствовав на лице холодные уколы – пошел снег – понял, что внутри было необычно тепло.

Почти в каждом окне семиэтажки мутнели бледные лица. Я представил, как это было: кто-то проснулся раньше всех, вышел на балкон покурить, или выглянул в окно... Говорят, большинство трупов находят владельцы собак, когда выводят питомцев на утреннюю прогулку.

– Почему там, внутри, тепло? – спросил я, когда мы с шефом выбрались из половодья машин, кое-как припаркованных между штанг турника, на беговой дорожке, среди дворовых лавочек...

Всех, чьи машины оказались слишком близко к месту преступления, попросили их убрать.

– Тепло? – переспросил Алекс. – Ты уверен?

– А вы разве не почувствовали?

Мы как раз дошли до нашего Хама. Распахнув багажник, Алекс порылся в брезентовом армейском мешке и достал приборчик, больше всего похожий на амперметр.

– Лучше бы ты ошибался, – бросил он и умчался назад, к белому куполу.

Я остался один. Полицейские чины, всё также толпившиеся в отдалении, бросали в мою сторону любопытные взгляды, но приближаться никто не стал.

Пока не стал, – подумал я. – Но рано или поздно они потребуют ответов... Иначе зачем мы вообще здесь?

Как только я это подумал, от кучки чинов отделилась знакомая фигура и потрусила ко мне. Майор Котов.

А от палатки бежала другая фигура: Алекс. Он успел первым.

– Ты прав, – бросил он мне и повернулся к майору. – Яша, сделай так, чтобы все ушли. Хотя бы на час. На полчаса...

– Да ты охренел, – беззлобно ругнулся Котов. – Чтобы наши по собственной воле выпустили мозговую кость? Вся полиция на ушах. Мэр требует немедленных мер, журналоги тре-

буют немедленной информации, народ требует... Представляешь, у них у всех – телефоны!.. – он обвёл рукой окрестности, охватывая и семиэтажку и машины с мигалками и всех полицейских, оптом. – Утро напролёт они звонят знакомым, делают фотки... Да весь интернет уже гудит, как осиное гнездо. Спасибо хоть участковому: первым прибыв на место, он тут же догадался поставить палатку... Ну знаешь, нам их выдают. Для изоляции потенциальных зараженных мест. Вот и пригодилась.

– Яша, заткнись, – попросил Алекс. – Я понимаю, у тебя нервы, словесный понос, но ты же взрослый мужик: сожми сфинктер, и терпи... Время уходит. Понимаешь, – шеф обернулся ко мне: – Обряд ещё не закончен. Вот она и тёплая.

– То есть, вы хотите сказать... – начал я.

– Девушка ещё жива, – кивнул Алекс. – И пока она остаётся в таком состоянии, будет служить проводником, а все, кто вокруг – батарейками. Это уйма энергии. Хватит, чтобы отапливать город в течении недели... Ну, это я образно. Чтобы было понятнее.

– Жива? – кажется, майор пропустил всё, кроме этого слова. – Вот козлы! – обернувшись к группе серошинельников, он погрозил кулаком. – Даже не проверили!.. Прикасаются никто не захотел... Падлы! А она ведь здесь уже несколько часов. Разгону, – он развернулся на каблуках в сторону кучки полицейских. – Всех, к свиням собачьим, поувольняю...

– погоди, Яша, не горячись, – остановил его Алекс. – Ты ведь там тоже был. И тоже не догадался проверить... И я не догадался. Потому что в таком виде не живут. Психологически, нам было легче считать её мёртвой. Понимаешь? Только Сашхен догадался.

Я не ощутил никакой гордости. Шеф дело говорит: лучше бы я был не прав.

– Так что теперь? – растерялся Котов. – Неотложку?

– Не поможет, – покачал головой шеф. – Скорее всего, мы уже опоздали. Но...

– Что "но"? – уцепился майор.

– Но мы всё равно должны попробовать.

Глава 5

– Стригой, – сказал шеф.

Я вспомнил: в мифологии – низший демон, который высасывает жизнь.

Вновь накрыло ощущение нереальности происходящего. В ушах зазвенело, перед глазами замелькали серые мушки...

– Не уплывай, мон шер, – меня крепко подхватили под локоть.

– Я в порядке, – звон в ушах превратился в комариный писк.

– Щас за кофе сбегаю, – Котов умчался куда-то к машинам с мигалками.

– Я понимаю: досталось тебе сегодня знатно, – тихо сказал Алекс. – Если хочешь – можешь поехать домой. Пришлешь вместо себя Антигону.

– Нет, – я потряс головой, избавляясь и от звона, и от головокружения. – Всё в порядке.

– Но? – шеф поднял бровь. Я молчал. – Да ладно, всегда есть какое-то "но".

– Давно вы этим занимаетесь? – ещё вчера я пребывал в глубоком убеждении, что работаю в обычном турагентстве, и никаких сверхъестественных явлений не бывает. – Все эти книги в вашей библиотеке...

– Учебники, – поправил шеф. – Наглядные пособия и руководства. Ты же читал.

– Да, но я думал, это всё мифы.

– Индюк тоже думал, – фыркнул Алекс. – Ты что, так ничего и не понял?

Он повёл подбородком в сторону палатки.

– Психов везде хватает.

В Алеппо был один такой. Дурачок. Или, как его называли местные, дервиш, Божий человек. Ходил по улицам, гремел пустыми гильзами от гранатомёта – носил их на шее, как ожерелье.

Но когда начинался обстрел... Никогда не забуду эту картину: мины ложатся одна к одной. В воздух взлетают тучи щебня, обломки домов, ошметки людей... А он идёт между ними, как по полю с ромашками. Закрыв глаза, раскинув руки...

Каждый раз он умудрялся оказаться в безопасной зоне. В зрачке тайфуна. В той самой точке, куда не долетали осколки и камни.

Казалось, он телепортируется – исчезает в одном месте и мгновенно появляется в другом...

– Везунчик, – говорили наши. – Дёргает смерть за усы. Когда-нибудь доиграется.

– Святой человек, – улыбались местные. – Его ведёт Бог.

– Но ты же не псих, – возразил Алекс.

– В чём я лично сомневаюсь.

– Тогда Котова спроси, – усмехнулся шеф. – Ему психом быть по должности не положено.

О! Лёгко на помине...

Майор принёс термос с горячим кофе.

– Хорошо иметь заботливую маму, – обжигая пальцы, Котов до краёв наполнил пластиковый стаканчик и протянул мне.

– Это у тебя, что ли, мама? – хихикнул Алекс.

– У стажера моего, Максимки. Золото, а не женщина! Каждый день: котлетки, пирожки, бутербродики... Ей-богу, женюсь.

– Брак холостит душу, – назидательно сказал шеф. – К тому же, зачем тебе пасынок – сослуживец? Но благодари всенепременно. Во имя прекращения потока мирских благ...

Кофе и этот необязательный трёп как-то помогли мне прийти в себя. Ощущение, что всё – не по-настоящему, что я попал на фантасмагорическое представление авангардного театра – ушло. И не скажу, что от этого сделалось легче.

Больше всего я думал о девушке. Кто она? Как угодила в такой переплёт? А ведь где-то у неё есть родители. Друзья-подруги. Может быть, парень. Для них она – пропала. Не вернулась с вечеринки, из института, с работы...

На улице сейчас около ноля. А она лежит там совершенно без ничего, да ещё и эти иглы...

– Девчонка в коме, – сказал Алекс, допивая кофе из стаканчика. – Ничего не видит, ничего не слышит, ничего не чувствует... Тело её сейчас подобно шлангу, через который течёт вода, или электрическому проводу.

– Откуда вы знаете, о чём я подумал?

– Опыт, мон шер. Сын ошибок трудных, – Алекс закурил и передал пачку "Медного всадника" Котову. – О чём ещё можно думать, находясь на месте преступления?

– Это, – майор переступил с ноги на ногу. – Полкан спрашивает: что делать-то? Нельзя же её так оставить. А?

– Хорошо бы людей убрать, – напомнил Алекс.

Я пока не понимал: почему мой шеф пользуется таким авторитетом, что без его слова полковник полиции не решается и шагу ступить.

– Всех? – тоскливо переспросил Котов.

– Нет, только полицейских. В смысле – оставьте оцепление, но подальше. Чтобы никакая посторонняя шушера не налезла. А вот дом... – шеф обозрел ряды окошек. Почти в каждом угадывалось бледное пятно лица, а то и не одного.

– Вирус, – сказал я. – Заграничный. Обнаружили неизвестный штамм, и до выяснения дом берётся на карантин.

– Гений! – похвалил Котов и умчался.

Через пару минут люди в страшных синих скафандрах потащили вокруг дома оранжевую ленту, подъезды закрыли и опечатали, а матюгальник, установленный на крыше одной из мигалок, принялся плевать носорожьим храпом, в котором угадывались отдельные слова и фразы:

– Вирус... Новый штамм... Сохранять осторожность... Карантин...

Толпа серошинельных тоже начала развеиваться, как по волшебству. Алекс открыл заднюю дверь Хаммера и принялся рыться в громадном армейском мешке, который всегда валялся сзади, и про который я раньше думал, что там набор для пикника – шеф любил возить дам на природу, на Ладожское озеро.

О дамах нашего шефа – отдельный разговор, в более подходящее время... Скажу лишь, что более любвеобильного кавалера я отродясь не встречал. Всё время они были новые, и всё время разные. И каждая была от Алекса без ума...

Вместо пледов, корзинок с посудой и шампуров, в мешке обнаружился набор деревянных кольев, большой молоток, громадный тесак, каким пользуются мясники на рынке, несколько фляжек с водой – на одних стояла литера "М", на других "Ж". Большая пачка прессованной соли, кусок желтого воску, слиток чёрного от патины серебра и автомат Калашникова без приклада.

Доставая по очереди все эти предметы, Алекс раскладывал их на резиновом коврике багажника, а разложив, задумчиво уставился на автомат.

– Главное, оборвать связь, – наконец сказал он.

– Какую связь? – на ум почему-то опять лезли многочисленные шефовские любовницы.

– Помнишь, я говорил про стригоя? Так вот: к нему, через девицу, идёт энергетический поток небывалой силы. Представляешь, какое потрясение испытали жильцы, когда утром обнаружили у себя под окнами... вот это, – он указал глазами на белый купол. – Кто-то испугался, запаниковал, но большинство принялись фотографировать, рассылать друзьям – словом, делать шоу... Что увеличило поток эмоций в разы. Сейчас, конечно, всё пошло на спад. Глаз не видит, и зуб неймёт; но связь всё равно существует. А где-то сидит стригой, и как клещ, сосёт энергию.

– Но... зачем?

– Всяко бывает, – пожал плечами Алекс, распутывая связку деревянных колышков. – Кто-то ищет могущества, иные – знаний. Но в основном сатанисты жаждут одного: бессмертия. Вот и пропитаются людскими соками, аки комарьё болотное.

– А с чего вы взяли, что это сатанисты?

Он посмотрел на меня своими чистыми и холодными глазами, и слегка приподняв бровь, спросил:

– А ты думаешь, это какие-нибудь друиды? Виккане, солнцепоклонники, тенгрианцы?... Запомни, кадет: всё зло в мире исходит от сатаны.

– А я думал, вы неверующий.

– Зря, – достав две фляжки – "М" и "Ж" – он распахнул их по карманам пальто. Мне же поручил нести рулон с кольями... – Бог, как и противник его, диавол – существуют. В душах людей, разумеется. И в то, что люди могут стать добрее, искоренив в себе зло – я верую свято. И вам, кадет, настоятельно советую обзавестись.

– Чем? – один колышек выпал из связки, и я нагнулся, чтобы его подобрать. В этот момент в грязь повалились другие, и я, чертыхаясь, принялся их собирать.

– Аналогичным мировоззрением, – с готовностью ответил шеф. – Очень упрощает жизнь.

– Но это... лишает выбора, – сказал я, наконец-то поднимаясь на ноги. Колы торчали у меня из-за пазухи, из всех карманов и рук.

– Так в этом и весь смысл! – рассмеялся Алекс. – Ещё Маккиавели утверждал, что люди по натуре своей злы. Если делать добро их не принуждает необходимость. Я же принял абсолютно противоположную точку зрения. И ни шага в сторону.

– То есть, вы считаете, что люди – заведомо хорошие. А всё зло – от Лукавого.

– Всё очень просто, если разобраться, правда?

Повинуясь командам Алекса, я принялся вбивать колышки в мёрзлую землю по периметру белого пластикового купола. Он, в свою очередь, тянул пеньковую верёвку, крепко связывая колышки меж собой и создавая как бы низкую оградку.

– А вы идеалист, – заметил я, когда мы встретились у последнего колышка и разогнулись, переводя дух.

– Напротив. Я – совершеннейший фаталист, – ответил шеф, доставая из нагрудного кармана фляжку с литерой "М". – Ибо имя злу – Легион. И миссия моя не завершится во веки веков.

Отвернувшись, Алекс облил колышек из фляжки и перешел к следующему. В воздухе резко запахло скипидаром.

– Сейчас я пойду внутрь, – сказал шеф. – А ты сбегай к машине за одеялом – там есть на заднем сидении. Но сразу возвращайся. Как только почувствуешь, что пора – поджигай осину, – он кивнул на колышки.

- Стойте, – я поймал его за обшлаг, когда шеф уже отвернулся. – А как я узнаю?
- Узнаешь, – спокойно кивнул Алекс. – Такое невозможно пропустить.

И тут у меня в кармане тренькнуло.

- Сообщение, – пояснил я шефу. – Неважно, потом посмотрю.

– Господь проявляется в мелочах, – покачал головой шеф. – Читай прямо сейчас. Время терпит.

"Поздравляю, – гласил текст. – "Вы справились с первым заданием. Почти справились. Осталось совсем немного..."

Дверь ближайшего подъезда распахнулась, и на улицу повалили люди. То же самое происходило и с тремя другими подъездами.

Люди бежали сломя голову, не разбирая дороги. Тащили детей, кое-как одетых, в нахлобученных задом наперед шапках, с волочащимися по грязи шарфиками и варежками на резинках...

Старик ковылял, опираясь на палку, прижав к животу брыкающегося мопса. Женщина с выпученными глазами и в съехавшем набекрень шиньоне держала в охапке целый выводок котят... Тётка пыталась спустить по высоким ступеням громоздкую коляску, людской поток обгонял её, обтекал, как камень в стремнине, и только один парень, пробежав мимо, всё-таки вернулся и помог вытолкнуть застрявшее колесо... Не рассчитав сил, он толкнул слишком сильно, коляска опрокинулась и на подъездную дорожку покатались консервные банки.

– Бомба! – дискантом закричал старик с мопсом, ковыляя мимо нас, прямо по колышкам. Запутался в верёвке, и почти грохнулся – я еле его удержал, мопс с радостным визгом вырвался и умчался, поводок вился за ним, как нитка воздушного шарика... – В дом заложена бомба! – не обращая на меня внимания, старик вырвался и заковылял дальше. – Муничка! Муничка мой... – кричал он вслед собачонке.

– Гражданка, объяснитесь! – Алекс, в отличие от меня, самообладания не утратил, и уловив твёрдыми пальцами запястье толстухи с авоськой, в которой был и извивался злющий рыжий котёнок, строго спросил: – Почему нарушаем распоряжение правительства?

– Да клали мы с прибором на ваше распоряжение! – зычно объявила тётка, поудобнее перехватывая авоську, и как четырёхмачтовый галеон, устремилась дальше – почти сквозь палатку.

– С чего вы решили, что в доме – бомба? – закричал Алекс в толпу.

– Так СМС-ки же, – рядом с нами, совершенно по своей воле, остановился пацан лет двенадцати. – Пришло оповещение от ЧС-ников, – и он сунул к глазам Алекса светлый экран смартфона.

"Внимание! Покинуть опасную зону..." – мельком увидел я, и пацан умчался.

– Думаете, это правда? – спросил я шефа.

– Как говорили классики: "Если вдруг объявится чёрт с рогами, мы обязаны в кратчайшие сроки наладить производство святой воды в промышленных масштабах". Всё может быть, кадет. Смотря кто это шуткует.

– Ничего себе, шуточки...

– Ну сам подумай, мон шер: никто не умер. Про бомбу – бабушка надвое сказала. А мы скачем, как жареные петухи на сковородке.

Пока мы разговаривали, народ отхлынул от подворотен и закоулков, – Котов не соврал, что выставит крепкое оцепление, – и постепенно стал скапливаться неподалёку от нас, среди турников и качелей.

– Однако это осложняет нашу задачу, – пробормотал Алекс.

– Дяденьки, а там правда труп? – спросило крохотное существо в огромной красной шапке.

– Прравда, – доброжелательно откликнулся шеф. – И если не перестанешь совать нос куда не надо, займёшь соседнее место.

– Гы!.. – восторженно просипело существо. Убегать с воплями ужаса оно не собиралось.

– Почему они не боятся? – удивился я.

После ранения, я шарахался инфекции, как ненормальный. По сорок раз мыл руки, перестал здороваться за руку, и если бы мне кто-то сказал, что рядом объявился неизвестный штамм...

– Конечно боятся, – успокоил Алекс. – Просто, как взрываются целые дома, заминированные террористами, они видели, а как увозят рефрижераторы, полные трупов – хвала Господу и здравоохранению – нет. Поэтому мифическая бомба страшнее. Но через пять минут им станет холодно. Через десять дети захотят в туалет...

Во двор въехал автобус ЧСников, а за ним – мигалка. Из автобуса, как кегли, посыпались люди в чёрных костюмах и касках и побежали к подъездам. Из мигалки выбрался майор Котов и побежал к нам.

– Переиграл нас, сука, – ругнулся он, подходя. – Ну что теперь делать? Эвакуировать? Сколько тут человек?.. – он безнадежно оглядел толпу.

– Он нас видит, – вдруг сказал Алекс. – И если мы пригоним автобусы, он придумает еще что-нибудь, чтобы не дать людям уйти. Просто он еще не насосался.

– Ах ты ж... – Котов схватил рацию. – Щас вызову отряд быстрого реагирования. Два БТР-а с пулеметами. Пусть знает, что шутки кончились.

– погоди, Яша, – остановил майора Алекс. – Тут надо тоньше, хитрее. Дай-ка свою трубу...

Сотового у шефа не было. Не то, чтобы он не умел с ними обращаться – я неоднократно видел, как он спокойно звонил с чужих номеров. Просто брезговал. Но мне казалось, в глубине души он верил, что сотовый – это такое средство слежения. Типа: Большой брат и всё такое. И не хотел светиться.

Набрав номер, шеф закурил и посмотрел на небо. Началась вся эта катавасия часов в шесть утра. Сейчас было около восьми. Солнца не видно, само небо низкое, набухшее, цвета гнойного фурункула. Скоро его прорвёт, и на Питер повалит снег...

– Отец Прохор? – наконец сказал Алекс в трубку. – Доброго вам утречка. Простите, что беспокою... Тут у нас инцидент. Требуется ваш особый отряд. Чем скорее, тем лучше. Адрес сброшу. Спасибо. Буду должен. Ну вот, – повернулся он к нам. Через пять минут всё будет. Яша, распорядись, чтобы твои пропустили катафалк...

Особый отряд отца Прохора состоял из бодрых тёток в серых платочках и вдовьих платьях. Они приехали на громадной глянцево отполироli чёрном микроавтобусе – за рулём тоже была одна из тёток; споро попрыгали в грязь, и ни на кого не глядя, исчезли под белым куполом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.